
ДЕНИС ГРЕЙ
БЕСПРЕДЕЛ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Денис Грей

Беспредел

«Автор»
2026

Грей Д.

Беспредел / Д. Грей — «Автор», 2026

Василий, бывший мент, попал в другой мир и офигел от происходящего. В общем, тут чудеса, магия, данжи, вампиры, драконы, эльфы, кошкодевочки, мордобой, аниме, фантастика и богиня у которой боольшие си и похоже не все дома. Добро пожаловать в особо альтернативную реальность!

© Грей Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 19
Глава 3 32
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Беспредел

Глава 1

Внимание!

Все события и герои в этом произведении вымышленные. Любые совпадения с реальными событиями, именами, названиями или местами являются случайными.

Эта книга предназначена только для развлечения. Она не пропагандирует ничего и не призывает к каким-либо действиям. Автор не стремится оскорбить или унизить кого-либо.

Автор категорически против того, чтобы кто-либо повторял действия, описанные в книге, или пытался воплотить в жизнь сюжет или его отдельные элементы.

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

Чрезмерное употребление алкоголя наносит серьёзный вред здоровью. Это может привести к тяжёлым заболеваниям, психическим расстройствам, социальным проблемам и значительному сокращению продолжительности жизни.

Написал по настроению и просто для фана. Василий, бывший мент, попал в другой мир и офигел от происходящего. В общем, тут чудеса, магия, данжи, вампиры, драконы, эльфы, кошкодевочки, мордобой, аниме, фантастика и богиня у которой боольшие си… и похоже не все дома. Добро пожаловать в особо альтернативную реальность!

Поддержите лайками и каментами плиз!

Поехали.

Бац! Открыл глаза я сегодня и почему-то обнаружил, что нахожусь на дереве.

Я лежал на толстой, покрытой шершавой корой ветке, которая служила мне типа кроватью, а вместо привычного потолка моей съемной хаты над головой раскинулась густая крона огромного дуба. С желудями.

И какого хрена? Как я здесь оказался?!

В памяти всплывали лишь обрывки вчерашнего вечера: шум города, мощный бухич с другом, путь домой, гул машин и какое-то тяжелое чувство усталости, которое, казалось, не отпускало меня никогда. А потом яркий свет и противный писк тормозов. Всё! Дальше я здесь.

Я хотел осторожно приподняться на ветке и как-то с этого дерева слезть, но, видимо, не рассчитал свои действия и с шумом рухнул с дуба прямиком на… Хотелось бы, конечно, на мягкую землю, но, сука, я рухнул на твердую каменную мостовую какого-то неизвестного мне городка.

Чертыхаясь и проклиная всё вокруг, я поднялся на ноги и, потирая ушибленное колено, огляделся: странный небольшой городок с узкими улочками, по которым бродили люди в не менее странной одежде. Рубахи, платья, сапоги, какие-то чепчики. Будто в средневековье попал! Все эти люди спешили по своим делам, будто не замечая, что прямо на их пути, среди осыпавшихся с дуба листьев, стою я.

Когда я всё-таки присмотрелся, этот мир показался мне еще более странным! По улице ходили вовсе не люди, а какие-то другие существа. Мужики были с рогами, а бабы с кошачьими ушами. И всё это среди сказочных домов из дерева и камня. Я стоял посреди улицы и щипал себя за бок. Думал, что это сон.

Мимо проехала телега с грустным и оборванным возницей. Тоже, кстати, рогатым! Тот понуро сидел в телеге и правил… двумя запряженными в нее динозаврами. Или драконами.

Твари шлепали своими когтистыми лапами по мостовой и довольно-таки бодро тащили за собой телегу.

Один из этих зверюг лениво глянул на меня и клацнул зубами. Я отпрыгнул в сторону и вообще решил не стоять у них на пути. Не хватало, чтобы меня тут покусали! Отойдя ближе к дубу и подальше от мостовой, я сел на землю и прислонился спиной к достаточно широкому стволу.

Куда я попал?

Болело колено. Я потер ссадину ладошкой и уже хотел было закатать штанину, чтобы посмотреть на место ушиба, как прямо передо мной в облаке из дыма и молний возникла какая-то баба. Точнее, девка.

Мадам, кстати, очень даже ничего себе! Белые длинные волосы, округлая милая мордашка, пухлые губы, чуть вздернутый кверху курносый нос и просто гигантские глазища цвета серой стали! Одета эта девочка была в суперкороткое пышное белое платье с серыми лентами и в таких же белых чулках на округлых аппетитных ляжках. Ноги ее заканчивались белыми туфлями с серыми пряжками. Особенно что сразу бросилось мне в глаза на этом натюрморте, так это суперские, налитые и едва не вываливающиеся наружу из глубокого декольте, размера так пятого сиськи!

Когда дым полностью развеялся, эта девонька зашевелилась и плавно присела на корточки прямо напротив меня. Мельком я заметил, что между ее ног, кажется, ничего не было. Скорее всего, эта чудо-девочка была без трусов.

— Здравствуй, путник! — промурлыкали пухлые губки. — Я богиня. Мое имя Сайрина. И это мой мир! — Девочка сделала небольшой поклон. Представилась, так сказать. Когда это создание кланялось, одна из ее сисек едва не вывалилась из платья наружу. К моему разочарованию — едва.

Я замер. Мои глаза сначала ждали засвета сиськи, но затем, после того как до меня дошло что она мне сказала, глаза оторвались от сисек и полезли выше, на лоб. Нихрена себе заявки! Вот так сходу является ко мне красна девица, или точнее, бела девица с огромными сиськами и скорее всего голой сракой, и делает заявления, обычно после которых на моей родине отправляют прямиком в дурку!

— Ты что, мадам, с дуба рухнула?! Какая, к черту, богиня? — Я почесал свою бороду. — Ты еще скажи, что я не сплю и это всё реально!

А я был сейчас уверен, что это сон. Самый обыкновенный сон! Пусть и бредовый. Иначе как объяснить все эти повозки с драконами, людей с рогами и ушами, и эту… писько-сисечную богиню!

Услышав мои слова, девушка скривила свою мордашку, будто лимона нажралась, и, резко вскочив на ноги, зарядила мне такую речугу, что я даже заслушался!

А из ее сбивчивой и пулеметной тарабарщины выходило, что я нихрена не сплю, я умер там, на Земле, потому что меня бухого сбила машина, и вместо того чтобы отправиться на радугу и похмелившись прыгать на травке с ангелочками и кроликами, я попал сюда. И попал по ошибке. Причем допущенной ею же самой!

И что она и впрямь самая настоящая богиня, и она раскаивается за свой просчет, но теперь мне придется жить тут, в этом мире, начиная с нуля и не имея ничего. Кроме жизни и крепкого здоровья. За что она снова и снова раскаивается и просит у меня прощения!

Закончив тарахтеть, эта безтрусая и большесисьная богиня снова уселась на землю, но теперь не на корточки, а на жопу, и, подогнув под себя коленки, состроила мне такую мину, что коту из «Шрека» даже и не снилось!

— Ты меня простишь? — на меня пялились жалостливые глазки, которые, казалось, сейчас опережали ее выпирающие сиськи.

Я почесал башку. А мне с чего, собственно, обижаться? Я не сдох и вполне себе живой, и даже сбитая коленка уже прошла. А то, что мне тут придется начинать все с нуля, так я и в той жизни не олигархом был. У меня это «с нуля» не только не начиналось, а нихрена даже и не заканчивалось!

Мужик из небольшого городка на юго-западе нашей необъятной родины. Родился, ходил в сад, учился. Не женился. На работу пошел. Ментом был. Затем электриком. Из досуга: иногда пиво с друзьями, иногда — покрепче. Реже — к женщине. Хотел еще мотоцикл, но не купил. Старое ранение не позволяло активно жить. А теперь вот тут очутился. Всё.

Рассказывать о моем городе тоже особо нечего. Таких полно! Разве что из достопримечательностей, там есть памятник красному лосю. В центральном парке стоит. Причем железный и в дырочку. Не спрашивайте какого… Сам не знаю, почему он такой и зачем. А таблички поясняющей что за лось — нет. Украли на металл, или ее там вообще не было. Вот такие дела.

Сам же я последние годы работал электриком по найму. Так сказать — фрилансер. Как уволился несколько лет назад из органов, так и до сих пор работаю. До этого работал в полиции, но затем меня отправили на пенсию. По ранению и инвалидности в последствии. А электриком я подрабатывал через интернет и объявления в местной газете.

Работа нормальная, заказы были. Грех жаловаться! Вот только с жильем настоящая проблема. Собственного жилья нет, а снять квартиру или комнату в нашем городке — тот еще квест! Дорого, или очень дорого, или нет. Так и жил: то снимал, то у друзей. Пару раз даже с дамами сходился. Правда, безуспешно. Но это уже совсем другая история.

Так что минусов, я пока в своем появлении здесь не замечаю! И даже чувствую себя лучше. Будто годков двадцать скинул!

А что это, собственно, мисс-сиськи тогда так распереживалась?

Решил ее немного поколоть:

— Не прощу. Ты мне всю мою смерть испоганила! Сидел бы сейчас на облачке и с высоты поплевывал. Но благодаря некоторым бестолковым недобогиням, теперь мне тут приходится муки всякие испытывать. С дуба падать, колени бить. Ящеров всяких запряженных бояться. Нет, не прощу!

Богиня побледнела и, раскрыв рот, попыталась что-то сказать, но из-за икоты не смогла произнести ни единого внятного слова.

Пока мадам троила и фыркала, я закатал штанину и осмотрел свою коленку. Ссадина осталась. Синяк будет! Хорошо хоть боль унялась. Я демонстративно для сись-богини погладил свою коленку, жалея ее.

— Вавочка вот! И это тоже из-за тебя! Ты во всем виновата!

На мадам было жалко смотреть. Она схватилась за голову и чуть не рыдала горькими слезами. Видимо, и правда в том, что я сюда попал и в моих страданиях, есть на ней ответственность. Причем не какая-то эфемерная, а видимо ей могло за это реально влететь! Только вот от кого? Возможно, у них там есть и более старшие боги! Решил это проверить:

— Вот возьму и пожалуюсь на тебя! Пусть тебе влетит!

— Не-е-е-ет! — Богиня вмиг подскочила на ноги. — Как мне загладить свою вину?! Пожалуйста, скажи!

Точно угадал! Есть и над ней управа! И боится она ее реально. Видимо косяк за ней в случае со мной, огромный! И тогда я сказал этой чудачке первое, что пришло мне в голову:

— Сиськи покажи, и мы в расчете!

Богиня на секунду обрадовалась, затрясла головой, закивала.

— Да, да! Конечно! Сейчас покаж…

Она уже было потянулась к декольте, но затем замерла на месте.

— Чего?!

— Сиськи, говорю, покажи, и можешь быть свободна! — я специально смотрел ей прямо в глаза, в которых в данный момент нарисовалась такая гамма эмоций, а ее щеки так покраснели, что впору было дрова от них поджигать.

— Я не буду этого делать! — богиня сменила выражение лица на разгневанное и, надув губы, скрестила руки на груди.

— Тогда я тебя не прощу.

Несколько секунд у нас была немая сцена. Я уже расправил штанину и, отряхнув ее от пыли, сидел и тупо пялился на классные ляжки и очень короткую юбку этой девицы. А может, она и правда без трусов? Как бы так поглядеть…

— Ты можешь попросить меня о чем-нибудь другом! — Богиня топнула своей ножкой, и край ее короткой юбки слегка задрался.

Я словно маньяк вперился в обнажившуюся ее гладкую филейную часть. Там точно голая писька!

— И не о том, что ты сейчас подумал! — богиня снова впала в краску и с нескрываемой злостью смотрела прямо на меня.

— Ты и мысли читать умеешь?

Девушка задрала нос. — Конечно! Я же богиня!

Только затем она замялась. — Ну, не все… И только те, которые на поверхности… Самые яркие. Но могу! Я все могу! Ведь я — богиня!

— Тогда дай мне денег и побольше. Миллиард давай. Золотом. Ты же все можешь!

Богиня, которая только что буквально сияла от собственного ЧСВ, понуро опустила плечи.

— Не могу. Нету у меня столько.

Она вздохнула.

— А сколько есть? — решил я попытать удачу.

— Нисколько нет. — девка опустила голову.

— Врешь! Просто ты жадная! Вот теперь точно я на тебя пожалуюсь. Оставила в беде и помочь не хочешь!

Как же мне было весело смотреть на ее реакции! Да тролил я ее и все. И за сиськи тролил и за жалобы. Да и не верилось мне, что передо мной настоящая богиня. Скорее тут другое. Что-то, чего я еще не знаю в этом мире. И всем подобным фокусам, вполне возможно есть объяснения! Нужно только время.

— Нет! Я не жадная! Нету у меня денег! Совсем нет… — богиня начала хмыкать, и у нее выступили слезы. — Я недавно стала богиней. И у меня вообще ничего нет… — тут она совсем разревелась и, сев рядом со мной у дуба, начала плакать, прикрыв лицо ладонями.

Я посмотрел на девушку, и мне стало ее даже немного жалко. Видимо, она и правда не врала. Однако потом я прикинул: а почему я ее должен жалеть? Что она мне хорошего сделала? И вообще, она мне кто такая?! Хрен ей, а не мои жалости!

— Бесполезная богиня. Нихера с тебя толку…

Я поднялся с земли, хотел было уже уходить. Девушка вскочила на ноги и поспешила меня остановить.

— Стой!

Я остановился. — Чего тебе?

— Я придумала! — ее лицо сияло от торжества.

— Ну и чего ты там придумала? Что-то, что может быть дороже сисек и миллиарда золотом? Сомневаюсь.

Богиня нахмурилась. — Нет, но…

— Ну и на хрен ты мне нужна. Пойду жаловаться!

— Да стой ты! — она поймала меня за руку. — А как тебе такая идея: если тебе будет угрожать смертельная опасность, да и вообще если тебе понадобится помощь, то ты можешь позвать меня по имени, и тогда! — она изогнула бровь. — Тогда я лично являюсь к тебе на помощь и исполню три твоих желания! А? — она буквально сияла.

— И в чем ты мне поможешь? — я сделал скучающий вид.

— Да во всем! — девушка сжала кулачок и утвердительно топнула ножкой, правда, в этот раз она заблаговременно придержала подол юбки ладошкой. Эх…

— А почему всего три желания?

— У меня еще мало сил и хватит только на три воплощения. И то раз в сутки… Я же только начинающая богиня. — девушка шмыгнула носом.

— Ну ладно… — я пожал плечами и развернулся в сторону улицы. Тоже мне джинн гребаный.

— Тогда договор?!

— Какой договор? — я притормозил.

— Ну, такой договор! Если мы его заключим, то нарушитель будет рабом у второй стороны до конца его дней!

— И в чем суть нашего договора?

— Ты на меня не жалуешься выше, а я — помогаю тебе три раза, если ты позовешь меня по имени, но не чаще, чем раз в сутки и в рамках моих сил!

Я кивнул. — Ясно.

— Ну так что, заключим? — сисястая так на меня смотрела, будто собиралась тут-же грохнуть после заключения этого самого договора или еще какую гадость сотворить. Будто крокодил улыбалась. Точно что-то задумала!

— Тогда заключим так: я молчу, а ты исполняешь три моих желания, когда я тебя позову по имени. Но это будет определенное мое желание! Пусть и не чаще, чем раз в сутки и в рамках твоих сил. Суть в принципе та-же. Так что… Идет?

Богиня на секунду задумалась, а затем видимо не найдя подвоха, согласилась. — Идет! Только сиськи показывать я не буду!

— Ладно. — я махнул рукой. — Не такие уж у тебя и здоровские сиськи, чтобы на них тратить целое желание… Кстати, а как твое имя? Сардина?

Сзади послышалось рычание. Я обернулся. Богиня сжала кулаки и, шипя, как раскаленный чайник или керогаз, топала ногами по траве.

— Нет! Нет! Нет! Сардина — это рыба! А я — Сайрина! Сай-ри-на! Слышишь меня?! Сай-ри-на! И сиськи у меня нормальные! Здоровские сиськи!

— Да похер…

Я улыбнулся.

— А теперь, Сайрина-сардина. В рамках нашего с тобой договора мое первое к тебе желание будет таким: ты никак, никогда, и ни при каких обстоятельствах, и никаким способом не посмеешь мне вредить! Никогда! Это ведь в твоих силах?

Сайрина замолкла и вытаращила на меня глаза. — Да. И я, в общем-то, и не собиралась… И с чего ты взял? — она опустила голову и периодически зыркала на меня из-под хмурых бровей. — Знаешь, лучше меняй свое желание!

— Я так желаю! Или ты хочешь нарушить договор?

— Нет. Нарушать я не буду. Ишь какой… — Она фыркнула. — Но первое свое желание ты уже истратил! Ха-ха-ха! До встречи через сутки! И с дуба рухнул ты, а не я!

Она рассмеялась и, хлопнув в ладоши, испарилась.

— Вот язва…

Я вздохнул с облегчением. Теперь от этой дурной богини ждать подвоха не стоило. По крайней мере, пока она не придумает, каким-то образом всё переиграть в свою собственную

пользу в следующих желаниях. Если она конечно та, за кого себя выдает, а не какая-то шарлатанка. Но и я не буду лопухом! Не зря я уточнил в договоре, что это должно быть определенное «мое» желание. Навеянное мне со стороны тут уже никак не прокатит! Пусть только попробует нарушить или обмануть — станет моей рабой, и вот тогда будут и сиськи, и пи…

— Эй, парень! Дело есть! — услышал я чей-то голос. И обращались определенно ко мне!

Я обернулся и увидел какого-то рогатого мужика, который топал прямиком в мою сторону. Вид у него был… Ну, если бы бухаря-гопника нарядили в длинные желтые шорты, обули в высокие кожаные коричневые сапоги и накинули сверху на его тело бабушкину занавеску или цветастую простыню. На его голове были небольшие черные рога, которые торчали в разные стороны. Шкура его была серого оттенка.

— Эй, — он окликнул меня еще раз и ускорил шаг.

Я сначала подумал смыться. Драться мне никак не хотелось! Не мое. Морда и так битая. Только недавно фингал сошел. Ситуация классическая: вышел из подъезда, а мне: «Эй, мужик, есть закурить?» Вот только я не курю… Тогда держи! А я в ответ.

Финал такой: у меня фингал на полморды, у него разбитый нос. Чья взяла, непонятно. Морда болит, глаз не видит. Ему тоже кисло. Еще и от ментов убегали. От коллег моих бывших. Причем вместе! Ушли огородами. Затем думали по пивку, типа за успешное, но как-то не заладилось. Он хотел на халяву, а мне денег жалко. За жилье еще надо было платить. Спорили: что важнее, уважение и дружба народов или какие-то презренные деньги. Даже за малым снова не подрались! Но обошлось. В тот день моя капиталистическая жадность оказалась сильнее его коммунистических принципов. Мирно разошлись.

Хотя игры про драки я люблю! Mortal Kombat и Tekken часто гонял. Но только на приставке у друга. Классные игрушки! Даже почти все комбинации ударов и приемов знал. Жаль, что не прошел до конца. Приставка не моя, да и кореш мой нечасто дома бывал. Командировки. Он специалист по вопросам с вооруженными группировками. Крутой!

Пока кумекал бежать или нет, рогатый уже был рядом. Поздно!

— Здоров! — он протянул мне жилистую руку. На пальцах были короткие черные когти.

— Здоров!

— Я — Перей. — представился мне этот тип.

— Васян. — я ответил на рукопожатие.

— Вас-ян… — попробовал он мое имя на язык. Видимо, оно ему было незнакомо.

— Чего тебе, Перей? — я не стал ждать, пока этот рогатый наиграется с моим именем.

— Такое дело… — он замялся. — Ты, я вижу, не местный.

— Ну?

Я смотрел ему в глаза. Что-то подсказывало, что сейчас мне начнут впаривать какую-нибудь херь и за большие бабки. Дома таких деловых до хрена было. Гостишку сейчас предложит по близости или кафешку какую. Сам на процентах, а там цены — мама не горюй!

— Вас-ян, тебе жилье не нужно?

Точно, млядь! Там, где есть бабки и есть потенциальный лох, там ничего не меняется! Хоть на Земле, хоть тут, да, наверное, и в аду, и в раю найдутся такие деляги!

— Денег нет. — коротко ответил я и хотел было уйти, как этот тип меня одернул, схватив за рукав.

— А работа не нужна?

Ну что за мода тут у местных! Богиня эта, сардина, меня стопала, этот тормозит. Никакого воспитания! Может, и мне себя стоит вести подобающим образом?

Решил сначала попробовать без конфликтов:

— Слышь, мужик! Отвали. Ничего мне от тебя не надо!

Я постарался как можно деликатнее убрать его клешню с моего рукава. Но тот еще крепче ухватил меня за руку и потянул на себя.

— Одежду тогда снимай! Всё с себя снимай. Иначе убью!

Он оскалил клыки и показал мне свой кулак. Ситуация была классическая: гоп-стоп для потеряшки. Этот бык увидел, что я тут не местный и, скорее всего, сладкий, и решил попытать счастья на легком поприще!

Я осмотрелся по сторонам. Мы находились в стороне от основной дороги и в небольшом саду из тех самых дубков, с одного из которых я как раз-таки и слез. Место достаточно укромное, и прохожие нас не должны были побеспокоить. Самое то!

Этот рогатый бык, видимо, по-своему воспринял мои переглядки и зашипел, буравя мои глаза своими черными зенками:

— Ага! Видишь, никого нет! Тебе никто не поможет! Отдавай вещи!

— А кто поможет тебе?

— Чего?!

— А того! Бык ты тупой!

Я провел классический прием с освобождением от захвата и заломом руки. Хруст сустава прозвучал в тишине парка, будто треснула ветка. Громила взвыл, пытаясь податься вперед, но я лишь усилил давление, впечатывая его лицом в холодную землю.

Он охнул, неуклюже заваливаясь на бок, словно мешок с опилками. Я не спешил отпускать — пусть рука поболит, а он подумает о бренности бытия и вреде излишней самоуверенности.

— Знаешь, в чем твоя проблема, приятель? — Я слегка довернул его локоть, заставляя рогатого встать на цыпочки. — Ты слишком мало думаешь. А в нашем деле это верный путь к инвалидности.

Он взмолился: — Пощади! Слышь, мне просто жрать нечего! — Его голос срывался на визг, а из носа, прижатого к земле, потекла тонкая струйка крови.

Я хмыкнул, чувствуя, как под пальцами напрягаются его сухожилия. В парке по-прежнему было пусто, лишь в стороне гомонили прохожие, да ветер шелестел пожухлой листвой.

— Голодаешь?

Я чуть ослабил хватку, позволяя ему перевести дыхание, но тут же дернул руку вверх, заставляя его снова вскрикнуть. — Нахрена тогда работу предлагал?!

— Есть работа! Есть! Только мне самому не надо!

— Это что же за такая работа, когда голодать и рисковать собственной жизнью лучше, чем там?

— Ты не понял! — Бык закряхтел. — Там вдвоем надо! Тюки с кожей разгружать у торгашей. Много их там, и здоровые они очень! Я сам пробовал — никак! Подумал, ты сгодишься. Вместе управились бы.

— А нахрена тогда грабил?

— Ну… это… отпусти, а! Помогать ты отказался. А мне жрать хотелось. Вот я и… Я больше никогда…

— Ладно, — Я отпустил его руку и резким толчком отправил в сторону кустов. — Вали отсюда, пока я не передумал!

Он не стал дожидаться второго приглашения. Поднялся, пошатываясь, схватился за ноющую руку и, не оглядываясь, припустил в сторону мостовой.

Я проводил его взглядом. Ничего не меняется. Везде одно и тоже. Хотя по сути он прав. Когда он предложил мне работу, я его послал. Было такое. Не спорю.

Отряхнув и поправив свою одежду, я вышел из парка и направился вдоль мостовой. Вокруг гомонили прохожие. На каждом свободном месте были прилавки с разным добром. Воздух был пропитан густым ароматом пряных специй, перебивающим запах городской пыли.

Торговцы наперебой расхваливали свой товар: кто-то звенел медными безделушками, кто-то разворачивал перед зеваками отрезы пестрого шелка. Я старался не задерживать взгляд

на ярких витринах, чтобы не выдать своего любопытства, и лишь плотнее прижимал локти к бокам, пробираясь сквозь плотную толпу.

Прошел улицу, минуя толпы прохожих, и вышел на перекресток. Большой такой, и магазинчики всякие на углах. Или лавки. Не совсем в курсе, как они тут у них называются! Заметил, что люди тут тоже есть. Значит, я попал в мир, где настоящий интернационал. Или как там… В общем, рогатые люди, ушастые кошкодевочки и обычные люди. Ходят, общаются, что-то несут, покупают и продают. Всякие разные. А может быть, еще кто тут есть. Поживу, увижу!

Жрать только охота. Прям под ложечкой засосало! Сводит живот. Он от этого выть по-своему начал. И противно так. Протяжно! А где жрать мне найти? Из всего имущества у меня только невесть откуда-то взявшийся желудь в кармане. Хотя «весть» откуда он взявшийся! Я же на дубе был. На нем — желуди. Видимо один мне в карман и упал, когда я сам с дуба рухнул.

И отвертка еще. Плоская, длинная и большая. Ну, это профессиональное. Были еще пассатижи. Вот только нет их. Где-то пролюбились наверное. Жалко. Хорошие были. С первой шабашки купил! Изоленты еще полмотка. Как положено: синей!

А — жрать?! Не желудь же мне грызть! Надо или поискать, или попросить. Денег-то у меня нет никаких. Порылся по карманам: нет. Есть все-таки денежка! Пятьсот рублей одной купюрой. Наши, деревянные. Может, и тут такие в ходу? Чем черти не шутят?! Пошел искать продуктовый.

Пока искал продуктовую лавку, заметил, что местные аборигены на меня оборачиваются. Поглядывают как-то искоса. А как я их взгляд ловлю, так отворачиваются и шаг прибавляют. Избегают, как чумного! Может, я тут каким-то неведомым чертом переродился?

Посмотреть бы, да зеркала нет! Ощупал себя: голова, руки, ноги, живот, жопа, грудь. Вроде человек. Все на месте. Только худой какой-то. Прям дохлый. Перед смертью помню, с пузцом был. А теперь снова как молодой кипарис! Одежда висит, как на трампеле. Размеров на пять я сдулся. Ну, хотя бы моя! Джинсы, футболка и куртка. На ногах — конверсы или кеды. Кому как. Потертые, но еще вполне себе целые.

Кстати, о зеркале! Вот я дубина… Вдоль улицы витрины магазинов же со стеклами! Подошел к ближайшему. Какой-то магазин с барахлом. Одежда, башмаки, шапки, перчатки, расчёски, ленты и тесьма, пуговицы, нитки, иголки, галстуки, шарфы, сумки, кошельки и прочие вещи. Все висит на витрине. Стало быть, галантерея и одежда. Но это мне сейчас ни к чему. Главное, витрина большая и стекло немного отражает!

Подошел вплотную к витрине, присмотрелся: ну да, это я! Человек. Такой, как и при прошлой жизни. Средний рост. Черная шевелюра, нос, уши, глаза. Всё мое, родное! Только моложе лет так на двадцать!

Моя любимая футболка с принтом «Metallica». Черная и с серебренными буквами. Синие джинсы. Бежевая куртка из дермантина. Ну, какая есть. И чего, собственно, прохожим так пялиться на меня?!

Почесал морду. Ну а почему нет?! Только сейчас дошло! Выгляжу я по сравнению с местными и правда очень странно! Эти все в платьях да костюмах а-ля Англия — 17 век. Или Франция. На головах платки или косынки. У некоторых вообще ничего. В смысле — голова не покрыта. На ногах сапоги или сандалии. Платья с передниками. Кружева. Мужики с накидками. Кажется, у нескольких видел оружие на поясах. Меч или сабля. На головах, в основном, береты. В перчатках кожаных. Точно средневековье какое-то!

Но это единицы. В смысле — красиво одеты! В основном все в рубищах из грубой ткани. На ногах — просто тряпки замотаны. Некоторые вообще босые. Ходят, бродят — в лавки заглядывают. Авоськи в руках плетеные. Из лыка или коры. Один тип вообще в одних трусах или шортах бродит. Баба на земле сидит. На ней будто грязная серая простыня замотана. Рогатая сама. Девка одна — тоже в простыне. Под ней ничего. Просвещается всё. Кстати, эта уша-

стая. Стоит, чего-то в авоське перебирает. Разный люд. А девка очень даже ничего! Стройная, симпатичная. Будто прямиком из аниме! Экзотика.

Ну, как говорится, хотеть не вредно! Хороша милаша, да не наша. Чего мне сейчас действительно надо, так это жрать, пить и в перспективе найти какое-нибудь жилье. Ночевать на улице мне как-то не улыбается. Может быть холодно, может пойти дождь, меня могут в конце концов прихватить местные менты. Или стража. Не знаю, чего у них тут. Объясни потом попробуй, откуда я взялся! В любом случае ни один из вышеперечисленных вариантов мне не подходит.

Но сперва — жрать! Нашел и зашел в какую-то лавку с продуктами. Благо была недалеко. Хлеб, мясо, молоко, мед, фрукты. Яблоки и какие-то сливы. Яблок и слив мне и подавно не надо. Молоко — ни о чем. Мед, скорее всего, дорого! Мясо надо готовить. Оставался хлеб! И просто, и сытно, и готовить не надо. А запить можно и водой. Годится!

За прилавком мужик с кошачьими ушами. Такой кошко-скуф. Достаточно здоровый и тучный. Морда как у алкаша. На пол-лба широкий шрам. Стоял и внимательно меня изучал. Подозрительно так смотрел. Но сказать ничего не сказал. Видимо, этика или принцип: «Похер, кто ты и какой ты, покупай и уматывай к чертям». Такое мне даже нравится!

Я ему:

— Здравствуйте, я вот хлебушка хочу!

Он мне:

— Два медных давай.

И снова косо смотрит. Даже принюхался ко мне.

Я ему пятисотку:

— Нету медных. Есть только это!

Взял, посмотрел и даже понюхал. И назад мне вернул. А на морде застыло выражение такого нескрываемого презрения, что слова были не нужны.

Хлеба мне так и не дали. Я вышел на улицу, где шумели прохожие. Почесал макушку. И что делать? Выходит, у меня нет денег. Пятисотка не зашла. Ему какие-то медные подавай. А где взять?

Взгляд упал на мою куртку. Придумал ее продать. Или обменять на тот же хлеб. Может, кому и сгодится! А я как-нибудь переживу. В принципе, не холодно. Вон, эти вокруг в простынях ходят и не кашляют!

Снял куртку и пошел продавать. Только сейчас до меня дошло, что тот продавец меня понимал, а я его! Стало быть, язык местной публики такой же, как и мой. А это упрощало многое!

Я зашагал по узкой, мощеной камнем улочке. Вокруг царила суета: люди, коты и черти спешили по своим делам, некоторые не обращали на меня никакого внимания. Хотя многие пялились. Моя современная куртка — с молниями и карманами — выглядела здесь как инопланетный артефакт. Да и джинсы с кедами.

Я подошел к первому попавшемуся торговцу, который раскладывал на прилавке связки сушеной рыбы и какие-то грибы. Довольно-таки пожилой рогатый черт. Он смерил меня подозрительным взглядом, но, увидев в моих руках куртку, заметно оживился. Я протянул ему вещь, чувствуя, что сделка может и получится.

— Слушай, — сказал я, стараясь говорить уверенно, — вещь добротная. Непромокаемая, с подкладкой. Отдам за… десять медяков! — закинул я удочку. Куртка была на самом деле откровенной дешевкой, да еще и достаточно затасканная, и пять буханок хлеба за нее мне показались вполне годной альтернативой. Даже очень!

Торговец потрогал ткань подкладки, потертый дермантин самой куртки, щелкнул «молнией» и отпрянул, испуганно глядя на меня. Видимо, звук застежки показался ему уж слишком

чуждым. Но жадность взяла верх. Он порылся под прилавком и выложил передо мной стопку медных монет.

— Семь, — буркнул он, выхватывая куртку из моих рук.

— Десять!

— Восемь! — его глаза горели азартом перед диковинкой.

— Идет!

Я схватил деньги, чувствуя, как внутри все сжимается от голода. Сделка состоялась. И плевать на две монеты, что я проторговал! Я мигом побежал в продуктовый за хлебом.

Сидя на холодном камне и уминая булку слегка черствого серого хлеба, я наблюдал за толпой. Язык — это ключ. Раз я понимаю их, значит, я не пропаду. Где я и как я здесь оказался, мне уже объяснили. Пусть и невероятно, но хоть какая-то версия. Но вот только что мне делать дальше?

Вопросы роились в голове, но голод был сильнее любопытства. Я доел последнюю крошку и поднялся. Теперь, когда желудок был полон, пришло время разобраться с тем, что это за место. Я поправил футболку, вдохнул полной грудью и шагнул в гущу толпы. Если я смог продать куртку, значит, смогу и понять, как здесь заработать.

Этот мир вокруг определенно был чужим, но теперь, когда я был сыт и в кармане еще остались монеты, он мне казался очень даже привлекательным! Просто появились новые задачи, которые мне предстояло решить.

Только сейчас вспомнил, что в карманах куртки, которую я продал, остались мои пятьсот рублей, отвертка, изолента и тот самый желудь, доставшийся мне от дуба, с которого я свалился в этот мир!

Хрен бы с деньгами, которые здесь не котируются, изоленты тоже полмотка, да желудь тот — такое себе имущество, а вот отвертку реально жалко! Это вещь. Подорвался и побежал назад к тому рогатому продавцу рыбы и грибов, который у меня и купил куртку.

Я бежал напролом. В ушах свистел ветер, а в груди молотило сердце. Для кого-то это просто кусок закаленной стали с пластиковой ручкой, но для меня — это, возможно, единственный инструмент, при помощи которого я смогу здесь заработать на жизнь! Если в этом мире существуют хоть какие-то устройства или механизмы, или электросети, я пойму, как это работает, то смогу их как минимум починять. А если справлюсь — значит, смогу себя прокормить!

Наконец показался знакомый прилавок. Рогатый торговец, лениво перебирая чешуйчатые тушки, уже примерял мою куртку. Она сидела на нем нелепо, топорщась на плечах, но он довольно скалился, похлопывая по карманам.

— Эй! — крикнул я, задыхаясь. — Стой!

Он обернулся, его вертикальные зрачки сузились. Я не стал тратить время на вежливость. И если мне придется вырвать эту куртку из его когтистых рук, я это сделаю. Ведь отвертка — это не просто вещь. Это мой инструмент, моя надежда. И я не собирался оставлять её в чужих, пусть даже и когтистых руках!

Рогатый торговец замер, его длинные пальцы застыли на молнии моей куртки. Он окинул меня оценивающим взглядом, в котором читалось не столько удивление, сколько ленивое раздражение.

— Чего орешь, пришелец? — прохрипел он, и из его рта потянуло добрым таким запахом спиртного. Видимо, уже успел принять. Может, обмыл покупку моей куртки.

— Там мои вещи! В карманах. Я забыл забрать!

Рогатый поморщился:

— Сделка завершена, чужак. Куртка теперь моя, как и всё, что в ней лежит. Таков закон рынка!

Я остановился в паре шагов от прилавка, тяжело дыша. В груди начала закипать ярость, смешанная с отчаянием. Я понимал: если я сейчас отступлю, если позволю этому черту оставить себе мой единственный шанс на жизнь, я пропал.

— Мне не нужна куртка, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Оставь её себе. Но в правом кармане лежит железка. Она бесполезна для тебя, ты даже не поймешь, что ей делать. Но для меня это важная вещь!

Торговец прищурился. Он медленно сунул руку в карман и вытащил мою отвертку. Она выглядела до смешного чужеродно в его когтистой лапе — обычная отвертка с потертой синей ручкой. Он повертел её, понюхал, а затем с пренебрежением хмыкнул.

— Эта штука? — он подбросил её в воздухе. — Она стоит двадцать медяков!

Меня начало накрывать. Да что же они все жадные-то здесь такие! Сука, богиня эта сисько-придурошная, рогатый тот «или работать, или убить», этот черт удавится за копейку…

— Ты, черт вонючий! Ну-ка верни мне мои вещи! Разговор был за куртку!

Я огляделся, есть ли поблизости кто-нибудь похожий на ментов или стражу, и, не найдя глазами никого более-менее подходящего, сходу приблизился к этому наглому мужику и, схватив его за грудки, повалил на землю. С прилавка на нас посыпались грибы и рыба.

Рогатый выпучил свои зенки и хотел было завизжать, но я сразу заткнул ему рот ладонью и придавил грудь коленом, чтобы он не трепыхался. Затем я молча отобрал у него свою отвертку, следом выудил из кармана пятьсот рублей, синюю изоленту и тот самый чертов желудь.

— Выкуси, сука!

Распихав свое добро по карманам джинсов и оставшись с одной отверткой в руке, так как в карман брюк она не помещалась, я победоносно слез с мужика и хотел было уже пойти прочь, как меня тут же под белы рученьки подхватил патруль.

Двое каких-то человеко-ящеров в латах, шлемах и с мечами на поясах поволокли меня типа в местное отделение. Или как оно у них тут называется. Причем захват был настолько сильным, что я не смог даже потрепыхаться.

Коридоры казематов напоминали внутренности гигантского, давно сдохшего кита: стены из пористого камня, тусклое свечение каких-то кристаллов вместо ламп и вонь не то тухлой рыбы, не то блевотины, от которой мне самому стало дурно.

Мои конвоиры топали когтистыми лапами по каменному полу, будто по нему волокли мешки с битым кирпичом.

Один из них, тот, что был повыше, периодически издавал гортанное шипение, которое, судя по всему, заменяло им и мат, и общение. Второй, что был пониже, ему также отвечал.

Я попытался было упереться носками кед в неровный пол, но получил увесистый тычок кулаком под ребра. Дыхание перехватило, а в глазах на секунду поплыли цветные пятна.

— Эй, полегче, — прохрипел я, стараясь не показывать, как меня мутит. — У вас тут что, протокол задержания не предусматривает вежливости? Или вы просто по жизни такие нервные?

Ящеролюд обернулся. Его узкие вертикальные зрачки сузились до состояния игольных ушек, а из пасти вырвалось облачко едкого пара. Он оскалился, обнажив ряд зубов, подозрительно похожих на обломки кухонных ножей.

— Могу укусить!

Ясно, — подумал я, глядя на его пасть. Похоже, адвоката мне тут не предложат. Да и вообще, боюсь, мой единственный шанс на оправдательный приговор — это если у них в меню сегодня не значится «человек под соусом из собственных страхов». Или блевотины. Потому что от вони мне стало еще хуже.

— Не надо меня кусать. Я не вкусный. И с детства укусов боюсь! — промямлил я этому зверюге.

— А ты забавный. — Этот ящер улыбнулся так, будто прямо сейчас он меня собрался сожрать.

Мы остановились у большой железной двери и долго у нее стояли. Затем оттуда послышалось «Ведите!» и тот, что был повыше, с лязгом открыл дверь, и та жалобно скрипнув, распахнулась, выпуская наружу густой, затхлый воздух, пропитанный запахом сырого погреба.

Меня грубо подтолкнули в спину, и я, споткнувшись о порог, влетел в полумрак явно допросной, где за грубо сколоченным столом уже сидел третий ящер, чей чешуйчатый хвост нервно постукивал по каменному полу, видимо отсчитывая секунды до начала моего персонального ада. Он отложил какую-то бумажку, которую читал.

— Нарушаем, человек, нарушаем…

Прошамкал этот, типа, дознаватель и сделал знак пальцами моим двоим конвоирам. Тут же невероятно сильные лапы ухватили меня за шкирку и, предварительно обыскав, усадили меня на деревянный табурет.

Всё, что у меня нашли, а именно: шесть медных монет, полмотка синей изоленты, купюру достоинством в пятьсот рублей и желудь, они выложили дознавателю на стол.

Отвёртку выложить на стол им не удалось, так как я вцепился в неё руками как клещ и отдавать никак не собирался. Ящеры пыхтели, сопели, меня пытались при этом даже укусить, а я пытался укусить в ответ, они выкручивали мои ладони, но у них ничего не получалось.

Утратив надежду на то, что удастся у меня отобрать мой инструмент, конвоиры разочарованно вздохнули и развели свои лапы в стороны. Тогда дознаватель им махнул, типа: «Хрен с ним, пусть остается. Что с убогого взять», и на этом процедура моего задержания была закончена.

Затем дознаватель лениво на меня уставился и еще пару минут типа играл со мной в гляделки. В принципе, я уже знал, что будет дальше, потому что подобных процедур на моей предыдущей работе было хоть отбавляй.

— Имя? — ящер достал лист бумаги и перо. Он макнул перо в обыкновенную чернильницу.

— Васян, млядь!

Он кивнул и записал себе.

— Сколько лет?

— Сорок пять. — выпалил я свой возраст, который был прямо перед моей смертью.

Услышав цифры, ящер смутился. — Ты не выглядишь на сорок пять!

— Тогда не знаю. — ответил я, и в принципе это была правда.

Ящер махнул рукой.

— Почему напал на торговца?

И я рассказал ему всю историю от продажи куртки и до того момента, как меня схватила стража.

Ящер слушал внимательно, все записывал в отдельный лист и просил еще несколько раз пересказать ему мою историю. Зная приемы допроса, я рассказывал ему каждый раз все буква в букву. На наводящие вопросы и отвлеченные темы я просто молчал либо пожимал плечами.

Затем, когда ящеру, видимо, надоело слушать от меня одно и тоже, он отложил лист, на котором писал мой рассказ, и взял первый лист, в который он записывал мои данные.

— Откуда ты родом?

— С Земли.

Дознаватель задумался и почесал бороду. — Не знаю такого места…

— Планета Земля, Солнечная система, рукав Ориона, галактика Млечный Путь, Местная группа галактик, сверхскопление Девы, сверхскопление Ланиакея, комплекс сверхскоплений галактическая нить Рыб-Кита!

Ящер сначала кинулся это все записать, но на каком-то слове запнулся и пристально посмотрел прямо мне в глаза. Затем он вообще отложил перо, встал со стула и походил туда-сюда вдоль стола.

Вернувшись на место, ящер сел за стол.

— У тебя есть деньги, Вас-ян?

Так с этого и надо было начинать! Имя-возраст-Земля ему…

— Вот всё, что есть! — я указал на те самые скромные шесть монет, которые у меня остались из восьми, после покупки хлеба.

— Этого не хватит на взыскание.

Я пожал плечами.

Ящер кивнул и, что-то записав в лист, встал и объявил мне мой приговор:

— Вас-ян Млядь! Я, начальник стражи города Нава — Рашасс Калин, рассмотрел ваше дело и не усматриваю в этом нарушение закона в виде попытки грабежа торговца Якима Торона. Однако, за нарушение общественного порядка, а именно: нападение на Якима Торона и причинение ему мелких телесных повреждений, а также порчи некоторого количества товаров, а именно: четверти пуда вяленой рыбы и одной седьмой пуда сушеных грибов, вы приговариваетесь к взысканию в размере одной серебряной монеты и трех медных! Эти деньги пойдут на сам штраф в казну города и на компенсацию потерь в пользу Якима Торона.

Однако, в силу того, что вы не в состоянии оплатить взыскание целиком, вам предложено оплатить сумму бартером по рыночной стоимости, либо погасить задолженность в виде принудительных работ сроком на три месяца в пользу Якима Торона. Либо вы можете частично покрыть сумму бартером и отработать остаток дней на Якима Торона после перерасчета. Что выбираете, Вас-ян Млядь?

— А почему я Вас-ян, да еще и «млядь»?

— Вы так представились! — ящер ткнул мне бумагу, на которой именно так и было записано еще в самый первый раз, когда он меня опрашивал.

— Ну ладно…

Хотелось поржать, но как-то не получилось. Я почесал тыковку. Денег, считай, нет! Отрабатывать целых три месяца на того сраного Якима мне тоже нихрена не улыбалось. Бартер?! Но хватит ли мне моих вещей? Я прикинул всё, что у меня было, и очень сильно засомневался, что шести медных монет, бумажной пятисотки, половины мотка синей изоленты и желудя хватит на то, чтобы покрыть это гребаное взыскание.

Не зная, как и быть, я обратился к ящеру. Его имени и фамилии я не запомнил.

— Э, уважаемый, а хватит ли мне вещей, чтобы оплатить всё полностью?

Затем я вспомнил про отвертку!

— Только это я вам не отдам! — я еще сильнее зажал в ладонях свой драгоценный инструмент.

Ящер почесал морду и, осмотрев меня и прикинув что-то в уме, кивнул.

— Должно хватить.

— Я выбираю бартер!

После моего согласия ящер что-то прошамкал на своем языке моим конвоирам, и они, ухватив меня за шкирку, сняли с меня всё мое взыскание полностью и, выволочив из допросной, вообще проволокли по мостовой и вышвырнули за ворота города. При этом очень доходчиво мне сообщили, что возвращаться мне в этот город заказано. Поймают — отправят на каторгу в шахты!

И вот я стою один-одинешенек. За спиной город, в который мне теперь нельзя, передо мной проселочная дорога, а дальше поле и лес, а я после оплаты взыскания бартером: в одних трусах, кедах, отверткой в правой руке и желудем в левой, который видимо им и нахрен не впился. И больше у меня ничего нет. Совсем.

И что мне делать дальше?

Потоптался у стен города и сплюнув от досады, пошел по дороге через поле в сторону леса.

Глава 2

На лесной поляне недалеко от старой проселочной дороги горел костер. Языки пламени жадно лизали сухие еловые ветки, рассыпая вокруг сноп искр, которые тут же гасли в ночном воздухе. Вокруг костра, в глубоких тенях, замерли высокие сосны, словно прислушиваясь к тихому потрескиванию углей.

Где-то в чаще ухнула сова, и этот звук лишь подчеркнул уютную обособленность маленького островка света посреди спящего леса. На окрик совы отреагировала старая пегая кляча, которая стояла недалеко от костра и была запряжена в не менее старую повозку.

Вздрогнув и скрипнув колесами повозки, кляча снова прикрыла глаза и продолжила дремать дальше, потому что вокруг неровного островка света от костра были разложены специальные магические кристаллы, отпугивающие всяческих лесных зверей и монстров, и поэтому всем, включая и клячу, было спокойно.

Около костра сидели трое. Три девушки, или, точнее, кошко-девушки, которые варили себе ужин из грибов в дымящемся железном котелке и между делом рассказывали друг другу страшные истории.

Самая младшая из них, с пушистыми рыжими ушками, которые нервно подрагивали при каждом шорохе, помешивала варево длинной деревянной ложкой. Она понизила голос до шёпота, когда речь зашла о «Ночной вампирше», что якобы бродит по этим лесам в поисках заблудших душ. Её хвост, обычно игриво виляющий, сейчас плотно обвил щиколотки, словно пытаясь защитить хозяйку от собственных слов.

Вторая, с пепельной шёрсткой и холодным, пронзительным взглядом, лишь скептически хмыкнула, поправляя на плече кожаный ремень дорожной сумки. Она не особо верила во всякие сказки, предпочитая доверять остроте своих глаз, которые поблескивали в отсветах огня, и быстроте своих ног, которые она сейчас вытянула в сторону тепла от костра и грела свои голые ляжки.

Третья же, чьи длинные чёрные волосы были острижены на манер каре, задумчиво смотрела на танцующие тени своими синими глазами. Она знала то, о чём не знали остальные: кристаллы уже начали тускнеть. Их мягкое голубоватое свечение, обычно ровное и спокойное, сейчас едва заметно пульсировало, словно сердце, бьющееся в предчувствии беды.

Но она надеялась, что силы этих кристаллов хватит до утра. Иначе ей влетит! Это ее назначили следить за кристаллами, и если она проморгает, то счет за следующую зарядку у колдуньи выставят ей. Будто сэкономила и оплатила не полную стоимость.

Платить свои личные деньги за общее дело она не хотела и поэтому надеялась на то, что, в свою очередь, ее не обманула ведьма и зарядила все кристаллы до конца. Тогда они благополучно доработают до утра, а затем они доберутся до своей деревни и раздадут всем жителям долги. Потому что они были сиротами, и пока они жили в деревне среди других кошко-людей, они назанимали приличную сумму.

Сёстрами они не были, но судьба каким-то чудесным образом свела их вместе. Делать из них никто ничего не умел, и тогда, чтобы хоть как-то компенсировать житие этих бестолковых девок, местные жители, из жалости, периодически собирали с полей урожай и отправляли их на той самой старой кляче в город, чтобы торговать.

Сейчас они возвращались назад. Торговля была так себе, цены местные сбросили, да и прибухнуть и пожрать девки любили, особенно за чужой счет, поэтому сумма по итогам собралась не очень большая, но всё равно её бдительно стерегла «пепельная», держа деньги у себя в сумке и прижимая эту сумку к себе каждый раз, когда она отвлекалась или отходила в кусты.

Она уже отложила некоторую часть денег себе и никому не собиралась об этом рассказывать. Все равно ни одна из ее подруг не умела считать.

— Так вот, — прошептала рыженькая, рассказывая очередную страшную историю:

— Говорят, в этом лесу водится древняя вампирша. Она тихонько ходит по ночам по лесу в красном вечернем платье и хватает всех путников, которые по воле злого случая окажутся в этом лесу! Потом, когда вампирша поймает свою жертву, она начинает ее душить. Чтобы жертва обессилила! А затем…

Рыжая сделала страшное лицо.

— Затем эта вампирша превращается в здорового и злого вампира-мужика и начинает жестко насиловать жертву! Ей легко это делать, потому что под платьем у нее ничего нет и она там сразу голая! Она прямо срывает с жертвы трусы и прямо своим огромным инструментом долбит ее! Долбит! Долбит до полусмерти! А затем…

Рассказ рыжей внезапно перебила пепельная. Она выпучила свои перепуганные глаза и тихонько заскулила от ужаса, прикрывая ладошкой свою промежность.

— Не-е-е-е-ет! Хватит, не надо! Какой ужас! Саяна, какая же ты дурочка, что ты мелешь! Заткнись!

Пепельная повернулась к черноволосой в поисках поддержки:

— Ляна, скажи этой, чтобы она прекрати…

Но тут же осеклась на полуслове.

Девка, которую она назвала Ляной, ее уже не слышала. Она мечтательно закатила глаза и буквально текла от услышанного рассказа рыжей. Она запрокинула голову к небу, прижала руки к груди и, прикрыв глаза, постоянно повторяла шепотом, как заведенная: «Долбит, долбит, долбит! Срывает трусы, душит и долбит! Огромным инструментом!» И снова и снова закатывала глаза от восторга.

Пепельная так и осталась сидеть на жопе с раскрытым от удивления ртом и прижимая одной рукой сумку к себе, а другой — прикрывая свою промежность. А над поляной еще долго раздавались восторженные вопли Ляны: «Долбит, долбит, долбит…»

Пока Намя — пепельная и Ляна — угольная отвлеклись, рыжая Саяна, не упустив момент, начала быстренько вылавливать из супа самые крупные и самые вкусные грибы и тихонько их поедать, давясь и тяжело дыша от того, что они были еще немного сырыми и твердыми, и еще очень и очень горячими. Но ее это не останавливало.

***

Я прошел поле и зашел в лес. Ноги шли ходко. Только жарко очень! Поле, кстати, оказалось просто травой. Зеленая такая, колосится. Думал, молодая пшеница, но нет, нихрена! Просто трава. Местами островки из белых и желтых цветов. Мелкие такие, россыпью. Нюхал — не пахнут ничем. И почему такое огромное поле никто не обрабатывает? Можно же, допустим, хлеб выращивать? Или крупу какую? Странные тут положняки.

В лесу было получше. Тень, да и солнце уже стало садиться. Еще чуть-чуть, и начнет темнеть. А у меня нет ничего, чтобы хотя бы костер разжечь. И жрать опять охота. Может, ягоды какие поискать? Грибы. Лес же! Должно быть хоть что-то! Прошелся, и правда нашел куст. На нем бусины такие красные, ягодки.

Сорвал одну, повертел в пальцах. На вид — как смородина, только чуть вытянутая, будто капля крови. Рисковать не хотелось, но голод в животе уже скручивал потроха в тугой узел, требуя хоть какой-то подпитки.

Раздавил ягодку — внутри густой, почти прозрачный сок. Пахнет странно, чем-то вроде мяты и горчицы. Лизнул — горько и кисло. Не рискнул жрать. Выплюнул, вытер пальцы о трусы и пошел дальше, стараясь не терять направление от дороги.

А лес здесь был какой-то неправильный. Деревья стояли ровными рядами, будто кто-то рассаживал их по линейке, но при этом стволы перекручены, как канаты. Ни птичьего гомона, ни привычного стрекота сверчков. Тишина такая, что в ушах звенит!

Вечереть уже начало. Солнце опустилось ниже и, коснувшись верхушек деревьев, плавно стало залазить за их кроны. Сквозь густую листву пробивались последние косые лучи, расчерчивая траву длинными золотистыми полосами.

Впереди показался просвет. Я прибавил шагу, надеясь выйти хоть к какой-нибудь дороге или хотя бы на открытое место, где не так давила эта странная лесная пустота.

Вышел на небольшую поляну и замер. Посреди травы, прямо на земле, раскинулась огромная грибница, почти полностью покрывшая поляну. Сотни грибов торчали из земли кольцами, и их коричневые шляпки маячили из травы, куда бы я ни глядел. А рядом — кострище. Не свежее, конечно, но камни уложены аккуратно, по кругу.

Значит, я тут не первый. Ну, оно и неудивительно. Город-то рядом! Видимо, какие-то путники останавливались, чтобы, допустим, переночевать. Но… А зачем ночевать в лесу, если тот же город рядом? Доезжай до города и ночуй там. Или, если ты собрался ехать из города, то почему не отправиться утром?

Я опустился на корточки, потрогал камни. Холодные. И зола уже давно остыла и слежалась. Плохо, если бы были угольки, то можно было бы раздуть огонь и развести костер.

Солнце окончательно спряталось за верхушки, лес сразу налился густыми синими сумерками. Стало зябко. Я огляделся. Надо было искать место для ночлега, пока совсем не стемнело. Заметил между двумя толстыми соснами небольшое углубление, прикрытое лапником. Сойдет!

Только сначала пожрать бы чего… Сорвал гриб, повертел в руках — шляпка скользкая, холодная, с каким-то странным сизым отливом. Вроде бы масленок, а вроде и нечисть какая-то лесная. В животе снова предательски заурчало, требуя хоть какой-то дани.

Плюнув на осторожность, я смахнул с него налипшую грязь и, не дожидаясь, пока проснется голос разума, откусил кусок. Вкус оказался неожиданным — терпким, отдающим прелой листвой и почему-то железом. Сглотнул, чувствуя, как по пищеводу разливается странное, почти электрическое тепло.

Лес вокруг вдруг перестал быть просто набором деревьев. Тени удлинились, обретая плотность, а тишина, до этого казавшаяся пустой, наполнилась едва уловимым гулом, словно земля под ногами работала, как огромный, зарытый вглубь механизм. Я вытер губы тыльной стороной ладони и посмотрел на свои руки: вены под кожей пульсировали неестественно ярко, в такт этому новому, странному ритму.

Голод сразу отступил, но на смену ему пришло нечто куда более опасное — ясное, почти болезненное понимание того, что у меня отравление. Только это было не то отравление, от которого выворачивает наизнанку. Другое. Я бы сказал, сильно другое!

Мир вокруг начал расслаиваться, как старая, пересохшая краска на заборе. Я видел не просто кору сосен, а движение соков внутри них — медленное, тягучее, похожее на густую смолу. Каждый мой вдох давался с трудом: воздух стал плотным, почти осязаемым, до отказа пропитанным запахом трав и деревьев.

Я попытался сделать шаг, но нога отозвалась не привычной тяжестью, а странной легкостью, будто я ступал не по лесной подстилке, а по натянутой струне. В ушах зазвенело — тонко, на грани ультразвука. Этот гул, исходящий из недр земли, теперь резонировал прямо в моих зубах.

Обернувшись, я увидел, как за моей спиной, там, где я только что стоял, воздух подрагивает, оставляя после меня призрачный, полупрозрачный след. Мои собственные движения казались мне чужими, запаздывающими на долю секунды, и в то же время я был быстрее себя самого. Я делал шаг и оказывался впереди себя, а мое тело едва поспевало за мной.

Я снова посмотрел на гриб, оставшийся в моей руке. Теперь он выглядел иначе: шляпка пульсировала, сжимаясь и разжимаясь, словно крошечное, больное сердце. В центре ее, там, где я откусил кусок, проступила темная, почти черная капля жидкости, которая не стекала вниз, а медленно впитывалась обратно в мякоть.

Я сел на землю и схватился руками за голову. Бляха муха, вот это вштырило… Я хотел закричать, но вместо звука из горла вырвался лишь сухой шелест, похожий на треск сухих веток. Лес вокруг зашевелился, резонируя с моим немым криком. Деревья, казалось, подались вперед, их ветви-пальцы тянулись ко мне, словно я стал для них единственным источником света в этой сгущающейся тьме. Я понял: я больше не гость в этом лесу. Я стал его частью, его новым механизмом. Его винтиком. Или, млядь, шпунтиком…

Потом все вокруг стало прежним. Раз — и ничего! Словно кто-то очень добрый и сильный взял и своей огромной могущественной рукой смахнул с меня весь морок, что терзал меня мгновения назад. Я поднялся на ноги. В голове было ясно, в теле тепло, а на душе спокойно. Кажется, отпустило. Я вышвырнул этот гребаный гриб в кусты. Ну нахрен! В жизни больше не буду даже прикасаться к этой заразе!

Солнце уже совсем село, и стало темно. На лес опустилась черная непроглядная тьма. А еще стало холодно. Я выдохнул, и из моего рта вырвалось облако пара. А я только в трусах! Спустя еще несколько минут я уже не мог сидеть спокойно. Зубы начали выбивать чечетку. Ни о каком сне и речи быть не могло, и я решил как можно интенсивнее размять свои мышцы, чтобы хоть немного согреться!

Я начал приседать, стараясь двигаться как можно быстрее, чтобы разогнать застывающую кровь. С каждым движением суставы неприятно похрустывали, а ледяной воздух, врывающийся в легкие, обжигал горло, словно я наелся льда. Моя шкура покрылась гусиной кожей, став похожей на грубую наждачную бумагу.

Вскоре я перешел на бег на месте, высоко поднимая колени. В полной темноте это было рискованно: стоило оступиться, как я тут же влетал в колючие заросли кустов или спотыкался о выступающие корни деревьев. Но боль от царапин была ничем по сравнению с тем пронизывающим ознобом, который пробирал меня до самых костей.

Пока бегал по лесу как дурачок, на небо выползла луна. Сразу стало светлее, и тени деревьев вытянулись, словно пытаясь дотянуться до неба. В воздухе повисла тишина, нарушаемая только шорохом листьев под ногами и редкими вздохами каких-то ночных птиц. Казалось, что весь лес затаил дыхание, наблюдая за моими идиотскими мероприятиями. Но я продолжал бегать!

В какой-то момент я остановился, тяжело дыша. Кажется, я согрелся. Но ситуация была двоякая: мне было жарко от физических нагрузок, и от этого по моей спине тек пот. И этот же, сука, пот остывал гораздо быстрее, чем мое тело, и я ощущал, как ледяные потеки лились по моей спине. Они стекали от затылка, продолжали течь по лопаткам и дальше сбегали вниз по спине и, промочив мои трусы, мокрыми и холодными ручейками сбегали по заднице. Бррр…

Я поёжился и, сорвав пучок сухой травы и приспустив трусы, начал оттирать свою спину и сраку от ледяного пота.

— Здравствуй, путник!

— Чего, млядь?

— Здравствуй, путник! — повторил мне голос. И голос этот был женский.

Я обернулся и застыл на месте. Это была определенно женщина. Вот только вид ее меня немного смущал: среди ночного леса, прямо посреди поляны стояла высокая стройная баба с длинными черными волосами, которые спадали ей на лицо, практически полностью его закрывая. А еще эта баба была одета в длинное белое платье. В свете белой луны это выглядело очень зловеще и… и очень знакомо! Я отшвырнул травяную мочалку, которой секунду назад тер сраку, и поправил трусы.

— Самара Морган?!

Фигура в белом не шелохнулась. Она лишь чуть склонила голову набок, издав при этом отчетливый сухой хруст, будто кто-то ломал сухие ветки.

— Я не Самара, — прошелестело в ответ.

Женщина медленно подняла руку. Длинные, неестественно бледные пальцы потянулись к лицу, чтобы откинуть пряди волос. Я затаил дыхание, ожидая увидеть либо гниющий череп, либо пустые глазницы, либо — что было бы совсем уж некстати — лицо моей бывшей.

— Мое имя Фелисия. Если ты конечно хочешь знать!

Она наконец справилась со своими волосами, и мне явилась довольно-таки симпатичная мордаха взрослой женщины примерно так лет тридцати. Правда, в свете белой луны оно казалось уж слишком мертвецки бледным.

Женщина сделала шаг в мою сторону, и тут я увидел, что она передвигается, едва касаясь земли.

— Не бойся, — её голос прозвучал странно, словно шелест сухой листвы под порывом ветра, лишенный привычных человеческих интонаций. — В этом лесу тени всегда ищут того, кто готов их выслушать.

Она остановилась в паре шагов от меня, и я почувствовал, как воздух вокруг мгновенно остыл, превращаясь в густой ледяной кисель. Вблизи её глаза оказались не просто темными — они напоминали два глубоких колодца, в которых тонули отблески звезд. Фелисия не дышала. Ее грудная клетка оставалась неподвижной, а платье, сотканное из белого савана, не колыхалось, несмотря на ночной бриз.

Я хотел отступить, но ноги словно приросли к корням старого дуба. Она протянула руку — тонкую, почти прозрачную, с длинными пальцами, на которых отчетливо проступали синие вены.

— Ты пришел сюда, в эту тихую обитель, — прошептала она. — Но готов ли ты узнать, почему луна сегодня светит так ярко, что даже мертвые не могут найти покоя в своих могилах?

Она сделала еще одно движение, и пространство вокруг нас исказилось. На мгновение я увидел, как на ее лице растянулась улыбка. Нет, это была не улыбка! Оскал! Ужасный звериный оскал, с пастью полной длинных и острых зубов.

— Твою мать! — я заорал что есть мочи и хорошенько лягнув ее ногой, рванул бегом через лес.

Ветки хлестали по лицу, словно плети, но я не чувствовал боли — только ледяной ужас, сковывающий мои яйца. За спиной не было слышно топота, лишь странный, воющий свист, будто кто-то с трудом втягивал воздух через разорванное горло. Я не оглядывался. Знал: если посмотрю назад, ноги сами собой подкосятся, и тогда мне гарантированная хана!

Лес вокруг стремительно менялся. Привычные сосны превращались в скрюченные черные силуэты, напоминающие согнутые пальцы утопленников, а земля под ногами стала вязкой, как остывающий дёготь. Но мне это только казалось. Я был в этом уверен! Морок, наведённый на меня, призванный напугать, лишить сил, отобрать волю! Отбросив от себя эти мысли, я пер через лес, словно разъярённый бизон!

В какой-то момент мне показалось, что она настигает меня, и я оглянулся. Лишь на миг! Но этого хватило, чтобы я, зацепившись за какую-то ветку или корень, потерял равновесие и растянулся пузом на земле. Перекатившись на манер заправского десантника, я снова взлетел на ноги и побежал. Только после нескольких минут бега я понял, что на мне больше нет трусов. Потерял!

Впереди забрезжил просвет. Я выскочил на какую-то поляну. Небо над поляной окрасилось в белые тона от света луны, а воздух наполнился гулом, от которого заложило уши. Я вылетел на открытое пространство и тут же замер, едва не впечатавшись в невидимую преграду.

Она стояла там. Прямо передо мной! Она не бежала, не преследовала — она просто была там, словно всегда ждала меня в этой точке. Её человеческий облик окончательно поплыл. Кожа ссохлась, обнажая под собой натянутые, как канаты, мышцы, а нижняя часть лица превратилась в огромную округлую пасть на манер какой-то миноги.

— Видишь, мы снова вместе! — прошелестело у меня прямо в голове, хотя её пасть даже не шевельнулась.

— Ну же, иди ко мне!

Она сделала шаг, и пространство вокруг снова дрогнуло, сжимаясь в тугую петлю. Пути назад больше не было — лес за моей спиной просто исчез, оставив меня наедине с этой тварью посреди пустоты.

Мляяяядь!

Только сейчас я заметил, что в моей руке до сих пор зажата отвертка. Я не обронил и не потерял её. Этот инструмент был направлен жалом прямо в живот той самой бабы!

Она стояла передо мной, тяжело дыша и сверкая черными глазами, готовая броситься в атаку. Её лицо исказилось от ярости, а руки тянулись ко мне. Я почувствовал, как сердце начинает колотиться быстрее. Она протяжно завыла, делая шаг вперёд.

Я замер, не зная, как реагировать. Моя рука сильнее сжала рукоять отвертки.

Она сделала ещё один шаг, и я почувствовал, как напряжение в воздухе стало невыносимым. Я крепче сжал отвертку, готовый защищаться, если это потребуется.

Затем я сделал то, чего не ожидал от себя сам! Я прыгнул ей навстречу и с силой загнал жало отвертки ей в брюхо. Затем я резко выдернул инструмент из податливых потрохов и с ходу ударил ею мадам в горло. Еще и еще!

Густая красная кровь хлестала из ее ран, заливала мое лицо, грудь, живот, я рычал и бил, а она ревела как раненый зверь и хлестала меня своими лапами, а я все бил бил и бил! Вдруг она остановилась, замерла. Её взгляд потух, и она опустила лапы. Я сделал еще несколько ударов и отступил назад. Тело твари безвольной куклой шлепнулось на землю.

Я выдохнул с облегчением и сплюнул красно-черную жижу. Видимо наглотался этой гадости, пока кромсал эту тварь. Напряжение немного спало, и я почувствовал, как пот стекает по спине.

— Вот же тварь… — прошептал я, опуская отвертку.

Я стоял молча, глядя на труп. Я не знал, что думать, но чувствовал, что внутри меня что-то изменилось. Здесь, в этом мире, я впервые убил живое существо. Разумное существо! Убил, защищая свою жизнь. Это было правильно. Но… А вдруг теперь я преступник и теперь я буду в розыске?

Может, как-то спрятать труп?

Я сел на землю и почесал тыковку. Принцип «нету тела — нету дела» может и тут работать? Закопать ее хорошенько в чаще, авось и не найдут!

А если будут искать с собаками? Или что у них тут с нюхом хорошим? Вон, драконы те, например, что в упряжи были. Может у них нюх похлеще собачьего! Тогда сто процентов найдут!

Вдруг ее кто-то хватится, типа: «Дяденька страж, мама ушла на променад погулять среди ночи в лесу, авось повстречает какого-нибудь голого мужика и разок-другой выскочит за него замуж, пока рассвет не наступил и он не увидел ее на свету! Сбежит еще…» И они тогда: «План-перехват!» С собаками, на драконах как попрут искать эту мадаму…

Тьфу, сплюнул. Дурное сидит и дурное думает. Да мне и копать-то нечем! Из всего имущества у меня осталась отвертка и, сука, тот самый треклятый желудь, который до сих пор был зажат в моей левой ладони!

Вышвырнуть его, что ли?.. Ну вот на хрена он мне нужен?! Таскаю его, как полоумный!

Не зная, что и делать с этим желудем, выкопал пальцем небольшую ямку и, сунув его в землю, хорошенько присыпал.

— Вот тебе земля, вот тебе лес — расти большой, не будь… липой! — Причем ударение поставил на букву «о».

Ну а с трупом что делать? Сиди, не сиди, а тело, собственно, главная улика, никуда не денется!

Пока сидел и ломал голову, ситуация разрешилась как-то сама собой: труп неожиданно зашипел, забулькал и, испустив пар, растворился в воздухе. На земле осталось только ее перемазанное кровью и грязью платье и больше ничего!

Я замер, не веря своим глазам. Только что передо мной было мертвое тело, и вот оно исчезло, оставив после себя лишь полностью испачканную кровью одежду.

В воздухе повисла странная тишина, нарушаемая лишь уханьем какой-то ночной птицы. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Снова ночь вернула свои права, и мне стало холодно. Только теперь я вообще без трусов!

Я огляделся и, не увидев никого и ничего опасного поблизости, потянулся и поднял с земли платье. К моему удивлению, эта вещица была полностью сухой. Внезапно мне пришла в голову одна, наверное, самая рациональная и одновременно самая странная идея в моей жизни! Я натянул на себя этот предмет женского гардероба и, почувствовав, что мне стало гораздо теплее, пошел через лес в поисках той самой дороги, с которой я спетлял. Оставаться в лесу после таких событий мне больше нихрена не хотелось!

Побродив по лесу и вконец заблудившись, я все-таки вышел на огонек! Это был небольшой костер в лесу на поляне у опушки, вокруг которого сидели трое. Подойдя ближе, чтобы получше разглядеть, кто же там расположился, я будто уперся в какую-то преграду. Однако плотность этого невидимого барьера была невелика, да и вообще, она периодически исчезала, и мне без проблем удалось проникнуть через этот странный барьер.

Теперь я смог лучше разглядеть ночных любителей костра. Три какие-то кошкодевки сидели у огня и о чем-то оживленно разговаривали. Одна была мелкая и рыжая, вторая — крупная и с серой шерстью, а немного поодаль от них сидела третья. Она была среднего роста, и у нее были коротко стриженные черные волосы.

Слева от девок, ближе к дороге, стояла на привязи какая-то нереально худющая коняка. Это бедное животное было запряжено в деревянную телегу и просто стояло, прикрыв глаза, и вообще не обращало на меня никакого внимания.

Я осторожно подошел ближе, стараясь не шуметь и не привлекать внимания. Кошкодевки продолжали оживленно беседовать, до сих пор не замечая моего присутствия. А еще они жрали из железного котелка, тарахтя деревянными ложками, что-то настолько ароматное, что у меня от этого запаха начало сводить живот.

В принципе, можно было подойти, представиться и, так сказать, попроситься к костру. Но я не спешил. Кто знает? Может это людоедки какие! Нападут еще как та дура в лесу. Я сел на траву неподалеку, чтобы не нарушать их разговор. И послушал. А говорили эти ушастые о очень странных вещах:

— …Суп какой вкусный, — промурлыкала серая, с силой выскребая ложкой остатки похлебки со дна котелка. — В прошлый раз, правда, грибы были покрупнее. А сейчас как-то средненько…

Рыжая, та, что была помельче, смущенно улыбнулась, немного обнажив острые клыки:

— Не знаю. Такие же вроде бы, как и всегда. Зато как удобно! В ротик сразу несколько помещается! — она сунула ложку в рот и начала жевать. — Жаль, бухлишка с собой не прихватили. Сейчас бы как дали копоти!

— Да ну тебя, — отмахнулась серая, облизав ложку. — И хорошо, что не взяли! Перепились бы, как всегда. А вдруг та самая вампирша пожалует? И хана нам тут. А я не хочу, чтобы меня спящую… — она фыркнула по-кошачьи и поёжилась.

— Так барьер же есть! — рыжая дожевала гриб и, спрятав ложку за пазуху, разлеглась на траве, подставив задницу к костру. — Хорошо, тепленько…

— А вдруг она такая сильная, что ей барьеры нипочем? — серая, тщательно облизав ложку, спрятала ее в свою сумку, что была у нее на ремне через плечо, и, как-то с особой нежностью прижав эту сумку к себе, откинулась на спину. Сладко потянувшись, эта девка вытянула свои длинные и гладкие ноги поближе к огню. — Можно и полежать. Утро скоро…

— А мы тогда ей Ляну отдадим! Пусть ее терзает. Тем более у нее уже есть опыт. А мы смоемся! — рыжая заржала, как коняка, и неожиданно для меня распахнула свою коротенькую замызганную блузку, обнажив довольно крупные мясистые сиськи размера так пятого! Затем она потянулась, подняв руки к голове, вываливая свое округлое добро еще больше. — Пусть мои девочки погреются…

— Кстати, — серая тоже сняла свою рубашку и придвинулась ближе к костру. В бликах пламени мне предстали такие же немаленькие дойки этой девахи. — А скажи, Ляна-лизяна, а у тебя было чего с той ведьмой?! А-то говорят… всякое! — серая захихикала, словно мышь запищала.

— Ага, говорят-говорят! А еще говорят, что и не раз было! Это она так скидки за кристаллы выбивала! Или тебе просто нравится, извращенка?! — рыжая вперила свои яркие зеленые зенки в девку с черными волосами.

— Точно нравится! — серая ткнула в черную пальцем. — Ни разу не слышала, чтобы ведьмы скидок давали! Извращенка! — серая хихикнула, а затем они с рыжей заржали хором.

Черная, которую называли Ляной, вскочила на ноги и затопала ногами:

— Нет! Не было ничего! Врут все…

Затем она села назад на поваленное бревно, на котором до этого сидела.

— А что мне делать… Это к вам коты ходят! Чуть ли не очередь…

— Завидно, поди?! — серая изогнула бровь и еще больше выпятила свои сиськи. — Это потому, что у тебя грудь маленькая!

— И репутация хреновая! — подначила рыжая.

— Ага, — согласилась с ней серая. — Какой кот к тебе придет после того, как ты с ведьмой была?!

— Никакой! — добавила рыжая.

И эти две дуры снова начали ржать, как лошади. А на черную было жалко смотреть. Она съежилась и, закрыв лицо ладонями, походу ревела.

Ляна всхлипнула, и этот звук, тонкий и звонкий, на мгновение перекрыл их торжествующий хохот. Серая и рыжая переглянулись, их веселье стало каким-то одержимым, неприятным, но останавливаться они не собирались.

Рыжая стала на четвереньки и, выгнув спину, демонстративно развела руками свои булки. — Давай, котик! Всё, что ты хочешь! Только денежки положи!

Дальше рыжая изобразила движения, словно ее и правда дерет какой-то мужик. Даже истомно стонать начала.

Эти две дуры снова разоржались.

— Слышь, — серая пнула носком край бревна, на котором сидела Ляна, — ты хоть скажи, каково это? С ведьмой-то? Говорят, они не как коты, у них кровь холодная, как у змеи.

— Заткнись, — глухо отозвалась Ляна, не убирая рук от лица. — Вы ничего не знаете. Вы только и можете, что языками чесать, пока вас самих не припечет. И грудь у меня не маленькая!

Она попыталась выставить свою грудь на показ выгнув спину, но там действительно было практически плоско. Смутившись Ляна снова села и опустила голову.

Серая хмыкнула, задирая ноги вверх и подставляя свою, как я заметил из-под короткой юбки, голую задницу к теплу.

— Припечет? — она вызывающе рассмеялась. — Да нас-то чего? Мы девки честные, пришел кот, заплатил — получи всё, что душе угодно! Это ты у нас теперь «особенная». Гляди, Ляна-лизяна, как бы тебя после ведьмы на костер не отправили, когда все узнают, какими делами ты там с ней занималась!

Ляна резко вскинула голову. Ее ярко-синие глаза сейчас блестели от ярости. Она медленно поднялась, отряхивая подол юбки, и в ее движениях вдруг проступило что-то пугающее, чуждое той забитой девчонке, которой она в моих глазах была минуту назад.

— А вы не бойтесь за меня, — прошептала она, и голос ее был низким, злым. — Вы продолжайте принимать своих котов. Только смотрите, чтобы в следующий раз, они не пришли за вами… и совсем не для того, чтобы мурлыкать. Или вы забыли о том, как часто добавляете валериану в их вино, чтобы они теряли голову и сорили деньгами?! Честные они…

Рыжая и серая, услышав слова Ляны, мгновенно прекратили ржать. Затем они как по команде, разом вскочили на ноги и, зашипев как змеи и оскалив клыки, потихоньку двинули в сторону черной.

— Только попробуй рассказать кому, убью! — шипела серая.

— Лучше сдохни! — рычала рыжая.

Конфликт перешел в активную фазу, и, как бы мне ни было чудно слушать бредни этих профурсеток, я понял, что прятаться смысла больше нет. Они шли на черную девку, чтобы ее удавить, и как раз в моем направлении. Еще пара секунд, и они обязательно меня бы заметили.

Опасаться в принципе мне было нечего: две шлюхи-клофелинщицы, или в моем фэнтезийном случае «валерьянщицы» и одна забитая шлюха-потеряшка. Ничего особенного для меня не представляли. Знал я по долгу своей прошлой службы и одних, и других. Только понты!

Стоит хорошенько придавить, и потекут они, как мокрицы! А потеряшки сами сразу кололись. Всегда. Стоило только морду позлее скорчить. А потом: «Я сама не знаю, как так вышло! Я больше не буду! Маме только не говорите!» И всегда слезы, и всегда про маму, которая болеет. Или маленького братика. Но это реже. Примерно трое к десяти. И в этом мире, думаю, ничего нового мне не предвидится. Эх…

Я встал на ноги и двинул прямо к ним.

Худющая коняга у телеги вдруг открыла один глаз и, завидев меня, издала звук, подозрительно похожий на насмешливое фырканье.

Видимо, к ней относились так, что бедное животное было радо хоть каким-нибудь событиям. Пусть и не самым радужным, лишь бы как можно скорее закончилось ее такое жизненное влачение!

Увидев меня, ушастые замерли. На меня уставилось сразу три пары глаз. Повисла минута молчания, а затем серая и рыжая, заорав как добрый гудок парохода, рванули наутек. Серая побежала вдоль дороги на своих двоих, при этом вцепившись в свою сумку и прикрывая письку ладошкой, а рыжая, ловко оседлав ту самую понурую клячу, рванула с места так, что телега сначала подпрыгнула, а затем, роняя доски и какие-то тряпки, понеслась по дороге вслед за серой.

На поляне осталась черная. Она внимательно рассмотрела меня с ног до головы, а затем произошло то, чего я никак не мог ожидать!

Мадам, раззявив дурную улыбку, мигом стянула с себя трусы и, став на четвереньки, выгнула спину.

— Давай! — девка покрутила своей голой жопой. — Давай!

Я опешил.

— Что давать?

Черная нахмурилась и, фыркнув, задрала подол своей и так дальше некуда короткой юбки. — Насилуй меня! Долби! До полусмерти!

— Чего, млядь?! Ты че, полоумная?

Я стоял, раскрыв рот. Картина никак не согласовывалась ни с логикой, ни со здравым смыслом.

— Что, чего?! — девка вскочила на ноги и подбежала ко мне.

— Вот! — она продемонстрировала мне свой голый лобок.

— Вот моя писька, вот моя задница! — она развернулась ко мне задом и задрав хвост, продемонстрировала белые и округлые половинки. — Насилуй! Долби меня! Можно даже душить! Но только не сильно…

— Да ты, млядь, совсем поехавшая…

Я почесал морду и на всякий случай отошел от этой дурной бабы подальше.

— Другие кошки куда помчали?

— Что? — черная на секунду заткнулась и, опустив юбку, встала на ноги, отряхивая свои коленки.

— Подружки твои куда убежали?

— Они мне не подруги! — черная со злостью фыркнула. — Или ты хочешь их, а не меня?!

Дальше эта мадам устроила мне истерику с криками и топотом ногами.

Я лишь закатил глаза, чувствуя, как начинает дергаться левый глаз. В этом мире, где я оказался, меньше всего мне хотелось выносить вот таких вот «королев драмы».

— Слушай, — я стоял спокойно, игнорируя её вопли, — мне глубоко фиолетово на твою личную жизнь и на то, кто тебе там подруга, а кто враг. И не хочу я их! И тебя не хочу! Мне нужно знать, вернутся ли те две ушастые сюда с солдатами?

Черная замерла, её хвост нервно дернулся, выбивая дробь по земле.

— Ты правда их не хочешь?

— Млядь, нет!

— А меня почему не хочешь?

— Я не трахаю идиоток. Веди себя нормально, и, возможно, я об этом подумаю!

Я подошел ближе к костру и, подкинув в него хвороста, сел на бревно. Черная подошла ко мне и села рядом.

— Ты правда об этом подумаешь? — она погладила ладошками свои ляжки и как бы невзначай приподняла юбку. Конечно же, она так и не надела свои трусы назад, и в свете костра мелькнул ее гладкий лобок. Невольно глянул. Думал, будет как у кошки, но нет, такой же, как у обыкновенной девки.

От этой дурынды не ускользнуло, что я посмотрел ей между ног. Она улыбнулась и мечтательно закатила глаза.

— Так ты подумаешь?

— Я подумаю. — я кивнул. — Но только если ты начнешь нормально отвечать на мои вопросы!

Решил сказать так. Не то чтобы я ее хотел. Но пусть эта озабоченная думает, что я ее когда-нибудь да трахну. Возможно, так она пойдет хоть на какой-то конструктивный диалог.

Услышав мой ответ, ушастая подпрыгнула на месте и состроила влюбленную гримасу. Затем она снова села и одним движением быстро придвинулась ближе ко мне.

— Нет. Не будет никаких солдат. Скорее всего, Намя и Саяна уже про меня забыли. Им на меня плевать…

Девка фыркнула и сникла, молча уставившись в костер.

— Хорошие у тебя подружки… Или это твои сестры?

— Нет! Они мне никто! — черная отлипла от костра и еще раз фыркнула. — Мы просто жили вместе. Так получилось!

— Как скажешь.

В принципе, из подслушанного накануне разговора этих девок я уже понял, в чем конфликт, и не стал дальше расспрашивать эту ушастую о ее отношениях с теми двумя кошками. Да и на эту тоже мне было плевать. Я беспокоился за то, что те две перепуганные дуры вызовут подмогу и сюда заявится отряд вооруженных солдат. А я с отверткой! И нужно было выяснить: сваливать мне сейчас отсюда или можно спокойно погреться у костра. И, возможно, даже пожрать чего-нибудь. В желудке был ураган.

В этот момент у меня под ложечкой так засосало, что на всю округу раздался вой моего пустого желудка. Я сглотнул.

— Жрали здесь что? — я указал черной на их котелок.

— Грибы. Похлебку! Приготовить? — не дожидаясь моего ответа, черная метнулась к котелку и, подхватив его, рванула в лес, видимо, чтобы собрать грибы.

Признаюсь, я немного задумался. Грибы… А вдруг случится то же самое, что произошло со мной на той самой поляне? Состояние было ужасное, и мне ни хрена не хотелось повторять сейчас тот сраный опыт с такими особенными изменениями сознания!

Пока размышлял, вспоминая прошлый инцидент с грибами, черная уже приволокла котелок полный грибов и метнулась к тому месту, где была привязана лошадь. Там она выудила из кустов небольшой деревянный бочонок с водой и, откупорив пробку, начала наливать ее в котелок. Справившись, ушастая принесла котелок полный грибов и воды и поставила его в костер.

— Через полчаса будет готово!

Она снова уселась рядом со мной и, взяв мою ладонь, положила ее себе на голую ляжку. — Ты можешь делать со мной всё, что угодно, и когда захочешь! Даже душить! — просияв своей улыбкой, черная прижалась ко мне вплотную и как бы невзначай положила свою ладошку мне на пах.

Я немедленно убрал свою руку с ее ноги и ее руку с моих яиц. Затем я отодвинул эту настырную мадам от себя. В первую очередь мне нужны были ответы!

— Если ты не прекратишь свои эти делишки, я никогда даже не прикоснусь к тебе! Никак и ничем! Тебе ясно?!

Ушастая нахмурилась и, вздохнув, утвердительно кивнула. — Вот так всегда…

Игнорируя ужимки этой озабоченной девки, я продолжил:

— Я видел, как вы их ели. — я указал ушастой на котелок с грибами, который уже начал паровать от достаточно сильного жара от костра. — А вам ничего не бывает от грибов? Я вот недавно один съел. Меня так накрыло, что я с трудом в себя пришел!

— Нет… — ушастая задумалась. — Не было ничего такого. Всегда ели. В лесу грибов полно, и они же бесплатно! — затем она почесала нос. — Может, это на вас, вампиров, это так действует? И вообще, а ты скоро в женщину превратишься?! Вот было бы круто! И так, и так меня…

Ушастая прижала руки к груди и мечтательно закатила глаза.

— Твою мать… Совсем чеканутая мне попалась. И что за напасть то такая?..

Пока сидел и офигевал от этой ушастой, уже забрезжил рассвет и небо над лесом начало сереть. Стало гораздо лучше видно все вокруг. Вода в котелке вовсю закипела и ушастая став на четвереньки прямо передо мной принялась помешивать варево своей деревянной ложкой. Думаю не стоит говорить, какой вид мне открылся в этот момент, учитывая что на этой девке не было трусов и у нее была крайне короткая юбка…

Я с шумом выдохнул, чувствуя, как к лицу приливает жар, и поспешно отвёл взгляд в сторону, уставившись на свои кеды. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове пульсировала одна-единственная мысль: «Спокойно, это просто кошка. Она даже не человек!».

— Эй, — буркнул я, стараясь придать голосу как можно больше суровости, хотя вышло скорее хрипло. — Ты хоть понимаешь, что так себя вести… ну, неприлично?

Хотя кому я это говорю…

Ушастая замерла, склонив голову набок. Её кошачьи уши дёрнулись, улавливая мой голос, а затем она медленно повернула ко мне голову и растянула такую улыбку, что я удручённо опустил голову вниз, лишь бы ничего этого не видеть. И не думать.

Да ну ее нахрен…

Если бы это была та придурошная богиня, то, наверное, я бы троллил ее до бесконечности! Но тут другой случай. Эта девка реально шибанутая и с кучей тараканов в голове. Наверное, лучше от нее избавиться после того, как она приготовит суп. Пусть с нее хоть какая-то будет польза, а дальше — до свидания!

Убивать ее не хотелось. Ну никак я не способен убить живое существо, если оно мне не угрожает. А эта, по сути, совершенно безобидная. Решил просто ее прогнать. Напугать и, возможно, даже дать ей по лбу или пинка под зад. Пусть бежит от меня куда подальше! Думаю, это будет хорошая идея. Хотя под зад, наверное, давать ей не стоит. Кто знает. Перевозбудится еще…

Солнце уже поднялось над горизонтом и начало светить сквозь деревья. Золотистые лучи пронзали утреннюю дымку, выхватывая из полумрака влажные от росы папоротники и кусты. Лес постепенно оживал: где-то в густой листве застрекотала какая-то пичуга, а воздух наполнился терпким ароматом хвои. Тени, еще недавно длинные и причудливые, начали стремительно таять, уступая место наступающему дню. Стало заметно теплее. Хотел снять с себя к чертям это чертово платье, но, по ходу, это была бы огромная ошибка. Ушастая и так не сводила с меня глаз.

— А почему ты не спрашиваешь мое имя? — поинтересовалась мадам, помешивая густое и парующее варево в котелке.

— Я слышал ваш разговор и знаю, как тебя зовут.

Ушастая замерла. — Весь разговор?

— И про ведьму, и про сиськи тоже.

Она на секунду замерла, а затем вскочила на ноги.

— Ложь это всё! Не было ничего! — Она сжала кулачки и начала топотеть ногами. — И грудь у меня не маленькая!

Она стянула с себя нечто, напоминающее топ, и моему взору предстали два едва выступающих на фоне ее грудной клетки бугорка. — Вот! Ну, не то чтобы большие! Но и не маленькие! Вот!

Она подпрыгнула на месте, видимо, чтобы получились дропы. При этом ее юбка зацепилась за пояс и так и осталась поднятой, обнажая все ее, так сказать, богатства выше коленей и ниже пупка. Вид был настолько комичный, что я невольно заржал.

Мадам, до этого расплывшаяся в улыбке, спохватилась и, заткнувшись, замерла. Затем она начала мяться, видимо, не зная, что ей и делать: стесняться или, как и прежде, семафорить шмонькой.

Я отмахнулся. — Похрен. Суп не проворонь!

Она пунцово покраснела, причем краска залила не только лицо, но и, кажется, кончики длинных, заостренных ушей, которые нервно дернулись. Одним резким движением она одернула топ и подол, едва не опрокинув котелок, и опустилась обратно на бревно.

— Ты… Ты невыносим! — проскулила она, отворачиваясь и с удвоенным усердием принимаясь мешать варево. — Вампиры всегда такие несносные? Ну почему, почему я тебе не нравлюсь?!

— Скорее, я просто ценю в девушках немного другие качества. — Я потянулся, чувствуя, как под утренним солнцем разогревается мое тело. — И, честно говоря, твое поведение не вписывается в этот список. И, кстати, а с какого хрена ты называешь меня вампиром?

Она подергала ушами, услышав мои слова, и быстренько отставила котелок от огня.

— Суп готов, — бросила она, глядя то на меня, то косясь мне под платье. — Можно есть!

На мой последний вопрос она, по всей видимости, отвечать не собиралась.

Глава 3

Утро уже полностью вступило в свои права, солнце поднялось выше и начало припекать, и я, до отвала наевшись похлебки из грибов, приготовленной этой озабоченной ушастой, развалился на траве.

Теплый ветерок доносил ароматы хвои и влажной земли, убаюкивая сильнее любого заклинания. Я прикрыл глаза, слушая, как где-то вдалеке перекликаются лесные птицы. Было клево. Захотелось подремать. Я прошлялся практически всю ночь, и меня валило от усталости.

Конечно, сначала я побаивался жрать эти грибы, опасаясь снова окунуться в тот самый ужас, который пережил вчера, но все обошлось. Я откусил один крохотный кусочек от гриба, прожевал. Вкус был немного сладкий и немного соленый. По консистенции примерно как и земные грибы. И ничего не происходило!

Затем я съел целый гриб и, не почувствовав никаких изменений, принялся смело жрать все подряд, что было в котелке. Было вкусно и сытно. Только вот досталось мне чуть больше трети котелка. Ушастая выжрала практически всё в одно рыло и ни хрена не подавилась!

После завтрака мадам вымыла котелок и ложки остатками воды из боченка и пошла собирать что-то в траве, ходя кругами вокруг костра.

— Что ты делаешь? — спросил ее я, наблюдая одним глазом за ее действиями. Второй глаз я прикрыл, потихоньку впадая в сладкую сытую дрему.

— Это кристаллы. — Она показала мне несколько синеватых камешков размером с лесной орех. — Они для барьера. Днем, при свете солнца, практически везде безопасно. А вот ночью… — Она поёжилась и нервно взмахнула хвостом. — Ночью всякие твари, — Она осеклась, глядя на меня. А затем поправилась. — Существа вылазят. Особенно когда полная луна. Разложишь такие вокруг стоянки, и можно спокойно спать. Никто не пройдет!

Я усмехнулся. — Не особо помогли вам эти бирюльки. Я прошел!

Ушастая смутилась и почесала нос. — Разрядились, наверное, уже. Проклятая ведьма…

— Ведьма? — Я изогнул бровь.

Ушастая фыркнула, поняв, на что я намекаю, но не стала снова закатывать истерику. — Только ведьмы их могут заряжать. А как — не знаю. Правда не знаю!

Она сложила кристаллы в небольшой мешочек. Туда же она сложила и ложки, которыми мы ели. Притащив уже пустой бочонок из-под воды, она сложила остальное в котелок и оставила все вещи возле нас.

— Вот и всё. Больше вещей нет. — Ушастая уселась рядом со мной.

— Здесь есть еще какой-нибудь другой город? Ну, или поселок чтобы побольше?

Ушастая замотала головой. — Далеко! Неделю на лошади. А так — пара деревень и всё. А что?

— Не знаешь, где можно денег заработать?

Она задумчиво почесала затылок.

— В городе можно торговать. Вот, те же грибы. Там купят! Или ягоды. Из них вино делают. Крепкое. Хорошо вставляет! — Она мечтательно облизнулась.

— А если не в городе?

— А чего? — Она посмотрела на меня, а затем, видимо, нашла собственный ответ на свой собственный вопрос. — Точно! Тебе же нельзя в город…

Я промолчал. Чего у нее там на уме сложилось, меня не интересовало в принципе.

— Так как поднять бабла, если не входить в город? И главное по-быстрому! — Я повторил свой вопрос.

Это сейчас меня волновало больше всего. Денег нет, одежды нет. Жилья тоже никакого нет. Еще раз ночевать в лесу мне никак не улыбалось. Нужно намутить денег и по-быстрому и в другой город или поселок двинуть. Но лучше, конечно же, в город!

Ушастая снова задумалась. — Можно в пещеры ходить. Это на западе этого леса. Там есть такая. Я точно знаю! Там кристаллы собирать. Они всегда в цене. Правда, там чудовищ много! Но ты вампир и с ними сто процентов справишься! А продавать их можно и не входя в город. Прямо у ворот. Купят всё, что есть. Гарантированно!

Девка при очередном упоминании меня как вампира как-то нездорово улыбнулась и, не скрывая похотливого взгляда, прошлась своими синими глазами по моему телу. Я видел, как сузились ее зрачки до тоненьких вертикальных щелок. Она даже язык высунула, когда ее взгляд застрял на моем паху.

Я поморщился. Сколько же у этой мадам фетишей, даже подумать страшно! Спрашивать, почему она меня принимает за вампира, мне уже не хотелось. Да и похрен было.

— И почем за один камешек?

— Один серебряный! А если они еще и будут сами по себе уже с зарядом, то и за полтора можно продать!

— Это как «полтора»? Один и половина что ли?!

— Нет! — Ушастая улыбнулась. — Это один серебром и десять медью.

— То есть один серебром это двадцать медью?

— Ага. — Ушастая кивнула.

— А что можно купить за один серебряный? — Решил уточнить. Мне вспомнился тот самый штраф, который с меня содрал ящер в Наве.

— Ну… — Ушастая почесала щеку. — Можно купить рубаху или нож, или хорошенько поесть в городе всякого вкусного. Или бутылку вина!

— А штаны? — Вспомнил я свои джинсы.

— Штаны, если с карманами, то не хватит. Они стоят три серебром!

— А куртка?

— Еще три.

Твою мать… Вот ведь твари! Я вздохнул, вспомнив, как продавал свою куртку. Да и остальные мои вещи, которые ушли в качестве бартера на оплату штрафа. Да меня попросту ободрали как лоха… Причем дважды, и это я едва оказался в том гребаном городе! Ну сука…

Я снова вздохнул и, еще раз про себя прокляв всех тех козлов, которые меня тупо кинули, решил все-таки не париться. Ну а чего теперь сердце рвать? На таких потеряшках, как я, весь мир держится. Как говорится: «А без лоха мы б не одели своих девочек в меха». Хрен на них. Может и я их подломлю. По случаю!

— А что за чудовища в пещерах? На сколько сильные? — Меня заинтересовал этот способ промысла. По крайней мере один или полтора серебром за один кристалл, это очень даже неплохо!

— Ну там, если глубоко не лезть, то слабые. Однако там кристаллов немного будет. А вот если зайти поглубже, то там много. Только твари посерьезнее! Но и с ними можно справиться.

— А с чего тогда их этих кристаллов такой дефицит? Если ты говоришь, что можно справиться? Местные почему не собирают?

— Слабые. Это ты такой сильный! Вон, барьер прошел!

— Так разряжено же было. Твои слова?

Ушастая кивнула. — Было. Но все-таки! Ни одна низкоранговая тварь не пройдет даже с таким зарядом, что остался. А ты — топ! — она попыталась погладить мою ногу, но я отодвинул ее руку от себя.

— А как там чудовища ходят в пещерах, если есть заряженные кристаллы? Они их что, облетают что ли?

— Нет! Пещеры большие. А один кристалл действует слабо. Это в сумме они повышают собственную мощность. Если положить один, то он почти ничего не излучает. А вот если их выложить цепочкой, то тогда они влияют один на другой и создают барьер. И чем больше их, тем сильнее барьер!

— Ясно. Ты где живешь? — спросил я ушастую. Кажется, настало время прощаться. Я выяснил у нее в принципе всё, что мне надо было знать, и теперь прикидывал, куда ее нагнать.

— Там, — Она указала на восток. — Около светового дня, если на лошади.

Но затем она смутилась. — Вот только нам теперь туда нельзя. Девочки не примут. И местные жители тоже не примут. Боятся они сильно. Я же с тобой!

— А почему «нам»?

— А ты что, меня бросить хочешь? — на меня смотрела пара умоляющих глаз.

— Уже бросаю.

Я поднялся и пошел на запад в сторону пещеры, на которую мне указала ушастая в нашем разговоре. Признаюсь, бросать мне ее было одновременно и нелегко, ведь, как ни крути, эта дурочка доверилась мне. Плохо бросать в беде живое существо. Не в моих принципах!

А с другой стороны, оставлять возле себя это ходячее дитя порока было стремно! Девка, если прям честно, была огонь! По крайней мере, на мой вкус. И мордаха симпатичная, и фигурка точеная, и сисечки аккуратные и не выглядят как вымя. И задница, как говорится, орешек. Ножки — загляденье. Гладкие и ровные. От ушей! И то, что она не совсем человек, так это даже как бы в плюс. Экзотика!

И рано или поздно, эти ее поползновения в мой адрес могут найти отклик в моей… ширинке. И вот тогда случится грешное дело, и я после этого буду чувствовать себя прямо крайне обязанным. Чего не желаю! Не в этом случае. У меня ни шиша, еще и эта будет на мне. А судя по ее мозгам — самая настоящая обуза!

— Стой! — орали сзади. И голос этот, естественно, принадлежал ушастой.

Я тормознул и обернулся. Вдогонку ко мне перла эта самая кошкодевка, волоча прямо перед собой все свои пожитки. Однако ноша ее была неудобная, и в какой-то момент ушастая споткнулась и выронила бочонок. Я стоял и смотрел.

Плюнув на эту неудобную тару, мадам перехватила поудобнее горшок в виде своего котелка, в котором она утром варила грибы, и стремглав подлетела ко мне. Затем я удостоился сцены плача и увещеваний о том, как она одна-одинешенька, как ей некуда пойти и что она будет себя хорошо вести и больше никогда не позволит себе такие вольности в мой адрес, если, конечно, я ее не попрошу, тогда пожалуйста и всё что угодно!

И в завершение всей триады своего маркетингового предложения эта мадама сделала контрольный выстрел в мою голову и, собственно, мой желудок: «Никто тебе не сварит более вкусную похлебку, чем я!» И продемонстрировала мне свой котелок. Который я уже сегодня, естественно, видел. Но, видимо, в этот момент ей показалось, что это должно подкрепить ее крутое рекламное предложение!

И это сработало. Наверное, правду говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Видимо, в моей голове сложился паззл из жуткого голода и плюс горячая наваристая похлебка, и этот синтез дал мне толчок не прогонять эту мадам. Которая уже плюхнулась на колени и ревела как корова, шмыгая носом и вытирая своими кулачками обильные слезы.

— Ну ладно. Встань и пошли. — буркнул я и потопал дальше на запад.

Эта девка мигом взлетела на ноги и, подхватив котелок, молча поплелась следом за мной, еще шмыгая носом и сопя в две дырки. Выроненный ею бочонок я поднял и забрал с собой. Негоже в данный момент разбрасываться вполне себе годной тарой для воды.

Так мы и шли остаток дня. Я топал впереди, нарядившийся в женское платье и держа бочонок и свою отвертку в руках, а следом семенила эта ушастая кошкописька, неся котелок и мешочек со своим барахлом.

Девка перестала ныть и уже вовсю улыбалась, поглядывая на меня с каким-то явно нескрываемым восхищением. А у меня на душе была… наверное, тоска. Я прекрасно осознавал, какую я сейчас дурость совершил, позволив этой двинутой нимфоманке и извращенке быть со мной рядом, и какие проблемы могут возникнуть в последствии. Но решение было принято! И отступать от собственного решения себя не уважать. В крайнем случае дам по ушам хорошенько. Авось и исправится. Но…

Я еще раз обернулся глянуть на девку и увидел, что она каким-то образом с занятыми руками, но все-таки умудрилась подкатить свою юбку, чтобы она стала еще короче, и теперь это исчадие порока чухало следом, периодически мелькая тем, что у нее между ног, когда она поднимала ногу выше, чем обычно. Естественно, на ней по-прежнему не было трусов.

Навряд ли она исправится. Навряд ли…

Когда мы пришли на место, был уже вечер. Шли, кстати, мы спокойно и протопали, наверное, километров так десять. Но точно сказать я не мог. Дорога через лес была не самая ровная, и нам периодически приходилось обходить мелкие озерца и овраги. Как раз в одном из на удивление чистых озер мы набрали воды в бочонок. Вода была кристально чистая и холодная. Видимо, там били родники.

В другом озере мы выкупались. В том озере не было ключей и питалось оно из небольшой речушки, которая впадала в это озерцо. Вода в этом озере была не такая холодная, но, как и в первом, достаточно чистая. А еще там был очень удобный берег из песка и камня, и мы беспрепятственно зашли в воду, не застревая ногами в иле и не путаясь в камышах.

И, естественно, это купание прошло не без приключений!

Это исчадие греха мигом разделось до гола и без тени стеснения полезло в воду плескаться и радостно гомонить, в общем, что было и предсказуемо. Ну и хрен бы с ней… Но затем, после того как в воду залез я, она резко поменяла свою тактику. Естественно, я держался на расстоянии и вообще не стал снимать платье, а лишь только окунулся и собирался вымыться и постираться как бы одновременно. И тут она начала тонуть! И делала это очень даже правдоподобно!

Я метнулся за ней, чтобы ее вытащить из воды, как тут же это создание вцепилось в меня и, прижавшись ко мне передом, начало шарить у меня ниже живота, чтобы… В общем, я почувствовал, как ее ладонь ухватила меня за то самое место, и эта мадам без промедления уже мостилась сверху!

С силой оторвав эту дурную кошку от себя, я треснул ее по башке кулаком и, схватив за шкирку, выволок на берег. Дальше я несколько минут орал на эту вероломную нимфоманку да так, что в лесу притихли все птицы.

Успокоившись, я в наказание заставил ее тщательно выстирать мои шмотки и обязал постирать ее же собственные, потому что от мадам после лесного перехода начало пованивать.

Пока эта дурында настирывала мое и свое барахло, я, прикрывшись камышами от греха, развалился на травке и загорал.

Затем это создание, видимо закончив стирку, конечно же, улеглось на траву рядом со мной. И конечно же, голышом! Сладко потянувшись, эта девица развалилась практически под моим боком. На мой вопрос: «Какого хрена ты опять делаешь?» — мадам промурлыкала: «Вещи мокрые» и, повернувшись ко мне задницей, кажется, задремала.

Солнышко пригревало, жрать не хотелось, да и вещи пока сохли, и, не видя ничего опасного, вскоре задремал и я.

Проснулся я от того, что эта мадам лежала сверху на мне и, кто бы мог подумать… крепко спала, посапывая в две дырки и обеими руками обнимая меня. На секунду я даже засмотрелся на ее милое личико и легкую улыбку во сне.

Но потом оно проснулось! И снова ее лапищи на моем… И снова тумаки. Дал я ей по шее на этот раз хорошенько. Даже самому жалко стало, когда эта дурында, получив за свое поведение, сидела и скулила, потирая шишку на макушке.

Но я был тверд. Надев на себя свое трофейное чистое и уже сухое платье, я взял бочонок с водой, отвертку и пошел молча дальше в сторону пещеры. Конечно же, я знал, что уже через пару секунд мадам побежит следом за мной.

И да, эта полоумная бежала следом, ухватив свои пожитки и так и не успев натянуть на себя одежду. Тогда я остановился и подождал, пока ушастая нехотя натянет на себя топ и юбку. Трусы она по-прежнему надевать отказывалась, даже несмотря на мои угрозы! Сказав: «Мне так удобно», это дитя порока прошлепала мимо меня вперед и так и топала с гордо поднятой головой и голой жопой прямиком до самой пещеры.

И вот мы у пещеры. Само устье этого природного образования расположилось в достаточно отвесном обрыве скалы и выглядело как какие-то врата в потусторонний мир. Вход действительно был достаточно широкий, чтобы в него мог пройти грузовик. А на земле было несколько кострищ и достаточно хорошо вытоптана трава.

Скорее всего, это место было у местных аборигенов популярным, и, как объяснила ушастая, и правда, в силу того, что город относительно недалеко, сюда часто ходят всякие искатели приключений. И еще правда, что они нечасто выходят обратно! Но в нашем случае она в меня верит на все сто, потому что я опять же: вампир, и для меня не составит труда вынести эту пещеру под чистую!

На мой вопрос: а что делать после того, как мы опустошим эту пещеру и тут не будет больше кристаллов, она отмахнулась: «Достаточно одной-двух недель, и каменные породы горы снова вытолкнут из недр новые кристаллы».

Так всё просто. А это значит, что у меня только что в перспективе мог появиться неисчерпаемый источник дохода! Но это в перспективе. Хрен знает, что или кто мог там мне повстречаться. На уверенные слова этой озабоченной нимфоманки уповать, конечно же, не стоило. В общем, решил: погляжу, увижу! Если будет стремно, то ну его на хрен. Буду грибы собирать и ягоды, и самогонку из них варить или что она там говорила… А ушастая пусть продает. Ей в город можно!

Соваться сразу я в пещеру не стал. Хоть ушастая и уверяла меня, что там будет достаточно светло из-за каких-то там растений, которые дают свет, но дело было к вечеру, а еще я немного устал, и да и жрать уже хотелось прилично!

Когда мы развели костер, кстати, при помощи тех же самых кристаллов. Ушастая просто ударила их один о другой, и от трения на сухую траву, которую я приготовил для розжига, полетели достаточно такие мощные искры. Затем, когда более-менее разгорелось, я добавил в огонь хвороста, а мадам метнулась и насобирала каких-то листьев и все тех же грибов. Сложив все это в котелок и залив его водой, она сунула его в огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.